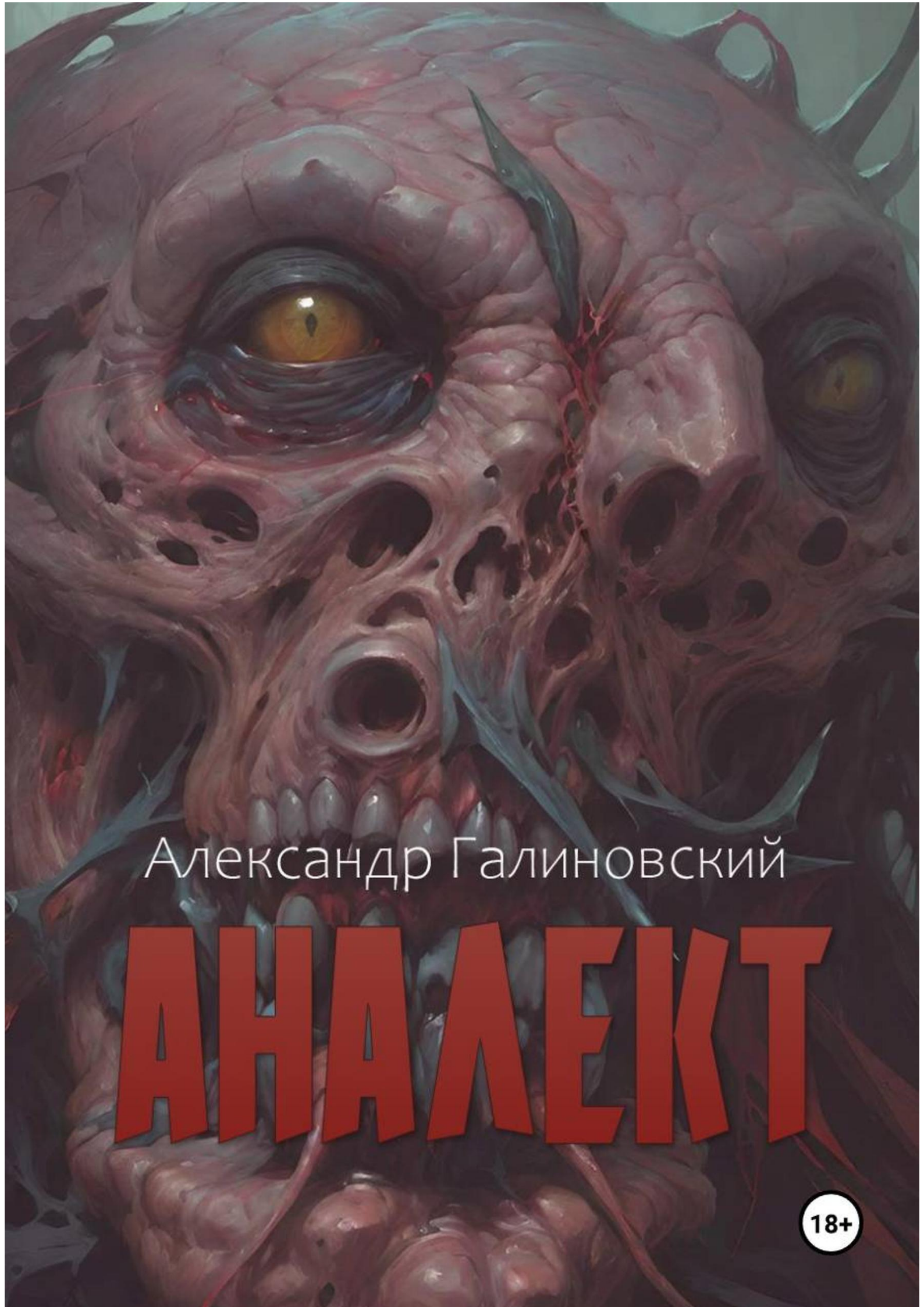

Александр Галиновский

АНАЛЕКТ

18+

Александр Галиновский

Аналект

«Автор»

2026

Галиновский А.

Аналект / А. Галиновский — «Автор», 2026

«Аналект» - это мрачный и вязкий некропанк о природе памяти, цене прогресса и о том, что даже в мире, где плоть стала инструментом, человеческое остаётся главной загадкой.

© Галиновский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Хронология	6
1. Смерть философа	8
2. Правление костей	11
3. Трудности понимания	17
4. Эти сумасшедшие птицы снова собираются в стаи	21
5. Синергия жизни и смерти	24
6. Игра в прятки с самим собой	27
7. Голова в банке	32
8. И Ад тебя примет	35
9. Змея, притворившаяся верёвкой	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Галиновский

Аналект

Александр ГАЛИНОВСКИЙ
АНАЛЕКТ
(роман)

Аналекты (др.-греч. ἀνάλεκτα — «вычитанное», «подобранное») — собрание цитат, высказываний, ссылок, мелких стихотворений.

Хронология

В основе хронологии лежит событие, известное как Разрушение - катастрофа, положившая конец *веку машин*. Оно является точкой отсчёта, разделяя историю на «до» и «после».

Эпоха до Разрушения (д.Р.)

Эра технологического расцвета, основанная на сложной механике, паре и электричестве. Города полны летающими экипажами, поездами на магнитной подвеске и гигантскими фабриками. Жизнь полностью зависит от машин.

В эту эпоху кураторы, позже известные как алхимики крови, были маргиналами, сектантами, чьи практики считались варварскими и псевдонаучными. Их теории о памяти, запечатленной в крови, высмеивались академическим сообществом. Практики, тайно собиравшие кровь, были похожи на грабителей могил или контрабандистов, вынужденных действовать в подполье. Кураторы существовали в виде разрозненных, замкнутых кружков, больше похожих на культ, терпеливо копивший знания и образцы, пока мир гремел и сиял вокруг них.

Пример упоминания в письменном источнике: *«Этот манускрипт был написан за 50 лет до Разрушения (50 д.Р.), в эпоху слепой веры в металл и пар.»*

Мир до Разрушения (~ - 0 год) (д.Р.)

15-10 гг. д.Р. – появление в Завораше первых очагов заболевания под названием «белый тлен». Ахеронцам удалось избежать его. Каким образом – неизвестно. В последующем жители Завораша не раз обвиняли ахеронцев в намеренном распространении заболевания.

Разрушение (0 год)

Глобальная катастрофа, природа которой до конца не ясна. Все сложные механизмы одновременно и навсегда остановились. Дирижабли падали с неба, города погрузились во тьму, остановились системы жизнеобеспечения. Цивилизация рухнула за считанные дни. Началась эпоха хаоса, голода и болезней, известная как Разрушение.

Эпоха после Разрушения (п.Р.)

Эта эра является основной для современного летоисчисления. Все даты отсчитываются *от года Разрушения*.

Ранний период (0 – ~150 п.Р.)

1-ый год до Разрушения (д.Р.) – 2-ой год После Разрушения (п.Р.) – война между Ахероном и Заворашем. В этой войне Ахерон фактически проиграл, поскольку, будучи технологически развитым государством, делал ставку на машины и инженерию, в то время как более отсталый Завораш использовал живую силу – модифицированных солдат. Человечество боролось за выживание в мире, лишенном технологий. Знания предков были утеряны или уничтожены катастрофой.

30 год (п.Р.) – происходят события рассказа «Кровосбор», романов «Завораш: Разделение ангелов», «Тени Завораша».

~150 – 250 п.Р.: Зарождение биомеханики

Отчаявшись восстановить старые технологии, но имея доступ к сохранившимся биологическим и анатомическим знаниям, ученые и инженеры (теперь называемые костоправами)

обратились к органике. Начались эксперименты по гибридизации, усилению и контролю над живой материей.

250 п.Р.: Рождение Истинной биомеханики

К этой дате относится создание первого стабильного, управляемого и эффективного «живого механизма» - существа, целенаправленно выращенного для выполнения конкретной задачи (например, громохода - массивного существа для перевозки грузов). Это событие считается официальным началом Новой Эры Биомеханики.

Пример упоминания в письменном источнике: *«Великий Анатомический Театр был построен в 262 п.Р., через десятилетие с лишним лет после триумфа Истинной биомеханики.»*

Современность (примерно 300 – 350 п.Р.)

Биомеханика стала основой общества Ахерона и других выживших городов-государств. Выращивание существ из костей, сухожилий, хитина и плоти - обыденность. Костоправы - хранители тайных знаний, - давно правят миром. Их искусство, некогда бывшее ересью, теперь - краеугольный камень власти. Эссенции памяти, созданные кураторами, помогают костоправам создавать более совершенные биологические механизмы, вплетая в них нужные инстинкты и память. Сами же кураторы давно отошли в тень.

307 год (п.Р.) – происходят события рассказа «Пути плоти» и романа «Аналект».

Пример упоминания в письменном источнике: *«Сейчас на дворе 312 год после Разрушения (312 п.Р.), и наш город, Ахерон, процветает благодаря великим костоправам.»*

1. Смерть философа

- А ну, пошёл вон!

Стоя на крыльце закусочной, хозяин заведения угрожающе поднял ведро, полное помоев.

- Гав! Гав! - Ответил человек, затем неожиданно сорвался с места и, не вставая с четверенек, пробежал по улице круг.

- Гав! Гав!

Он вёл себя в точности как пёс: двигался как четвероногий, лаял. Один раз даже плюхнулся на задницу и попытался ногой почесать себя за ухом - впрочем, безуспешно. Своим поведением этот человек привлёк не только внимание хозяина забегаловки и других прохожих, но и всех окрестных собак. Они бегали вокруг, рычали и поскуливали, но подойти ближе никак не решались. В то же время сам человек то и дело бросался на четвереньках то в одну, то в другую сторону, что заставляло зевак в страхе потупить.

Единственным, кто не желал отступать, был хозяин забегаловки. Как раз наоборот - он был полон решимости разобраться со странным типом. Тот распугал всех его посетителей, как если бы и в самом деле был бешеным псом. И ни талера, ни полуталера выручки за день! Ещё пара таких дней, и забегаловку, и так едва дышавшую под гнетом податей и конкуренции, пришлось бы закрывать. Злости хозяину заведения добавлял и тот факт, что теперь он и сам оказался в центре внимания. Прохожие смеялись и показывали на него пальцами: как этому торговцу удастся совладать с сумасшедшим?

А в том, что тип на четвереньках - форменный псих, ни у кого сомнений не вызывало. Особенно после того, как он снял штаны у всех на виду, и, присев у стены забегаловки, начал испражняться прямиком на мостовую.

После этого хозяин забегаловки решил больше не увещевать сумасшедшего, а незамедлительно исполнить свою угрозу и пустить наконец, ведро в дело. По-прежнему стоя на крыльце, он размахнулся и выплеснул помой по широкой дуге, целя в сумасшедшего. Ему казалось, что потоки грязной, дурно пахнущей воды приведут сумасшедшего в чувство. Однако последний оказался куда проворнее, чем выглядело вначале. Он отскочил в сторону, по-собачьи залаял, а затем перевернулся на спину и захохотал.

Только сейчас хозяин забегаловки понял, почему сумасшедший смеётся. В последний момент, когда тот отскакивал в сторону, на его месте появилась пара милиционеров. Разумеется, потоки грязной воды окатили обоих.

На мгновение милиционеры застыли. Грязная вода стекала с них потоками, заливая мундиры: черное на сером. В этот момент хозяин забегаловки осознал весь ужас произошедшего, ведь одежда милиционеров была *серой*. Впрочем, именно, что *была*: в считанные секунды мундиры обоих стражей потемнели от влаги. Рукава обвисли, перевязи и ленты, которыми крепились ножны клинков, прилипли друг к другу, а бахрома на эполетах стала похожа на переваренные макароны.

Но печальнее всего были выражения лиц обоих. Они выглядели так, будто вот-вот сгорят от стыда. Эта сцена была ещё мучительнее оттого, что непосредственный виновник происшествия - сумасшедший, вообразивший себя псом, продолжал хохотать, все так же лёжа на спине. На мгновение показалось, что милиционеры обратят свой гнев не него, ведь в Ахероне никто не мог позволить себе насмехаться над служителями закона... Однако те и не подумали обратить на дурачка внимания. Весь их стыд мгновенно улетучился, когда они поняли, что смеётся не только городской сумасшедший, но и другие зевачи. Кое-то показывал на «серых» пальцами, кто-то принялся кривляться, делая вид, что отряхивает стекающую с него жижу.

А грязная жижа и вправду стекала со стражей; у обоих под ногами образовались приличных размеров лужи. Аромат от них шёл соответствующий. Кажется, в нем в неповторимых пропорциях смешались десятки отвратительнейших запахов: хозяин забегаловки потрудились, стараясь, чтобы нарушитель спокойствия запомнил сей момент как можно лучше.

Отбросив ведро, хозяин забегаловки попытался скрыться внутри заведения, но мгновенно пришедшие в себя служители закона влетели на крыльцо и заломили ему руки. Кажется, в этот момент большинство присутствующих стали осознавать, что веселье закончилось. Они позволили себе потешаться над стражами, поэтому легко могли бы оказаться следующими. Очень быстро толпа на площади поредела.

- Гав! Гав!

Изображавший собаку дурачок перестал смеяться и сел. Взгляд его стал вполне осмысленным.

Никем не тронутый, он смотрел, как милиционеры уводят прочь того человека. С них все ещё стекала вонючая вода. Хозяин забегаловки, которому заломили руки высоко за спину, стонал и рыдал от боли.

- Гав, - добавил сумасшедший, но на него никто не обратил внимания.

Он поднялся и прошествовал по лестнице в забегаловку.

Войдя внутрь, огляделся. Посетителей не было. В одном несчастный мужичонка был прав: городской дурачок, изображавший бешеную собаку, действительно распугал всех его клиентов.

Новоявленный посетитель устроился за одним из столиков, где осталась тарелка с недоеденной кем-то яичницей и беконом. Взял со стола салфетку и заткнул за ворот. Вторую постелил на коленях. Затем взял в руки обтянутый тонкой полупрозрачной кожей хребет, лежавший на тарелке. Потянул, освобождая кости и хрящи. Кожицу, оставшуюся в одной руке, отложил в сторону. Теперь в его руке был костяной остов, напоминающий букву «Г». Внутри кости были полыми. Если повернуть их, прямо в лицо смотрело ровное черное отверстие, где когда-то находился костный мозг. Это новоявленное «нечто» человек тоже отложил в сторону.

Дурацкая улыбка паяца, с которой он становился на четвереньки и лаял, вернулась, когда человек клал в рот мелкие мясные кусочки с тарелки. С задумчивым видом он обсосал один, второй, затем положил две крохотные косточки на край тарелки.

Затем человек потянулся к салатнице. Там, в темно-красном бульоне плавали небольшие хрящики, по виду напоминающие запятые. Их человек достал большой ложкой, отряхнул, из-за чего капли соуса полетели на белоснежную скатерть и тоже выложил рядом.

Наконец, все было готово. Новоявленный посетитель взял хребет, присоединил к нему две «запятые» - верху и снизу, так что получилось очень похоже на оружие - рукоятка в руке, ствол - перпендикулярно сжатому кулаку, - «запятые» - взводной крючок и курок. После этого человек взял «фалангу» и вставил её в отверстие под «курком».

В хребте щёлкнуло. Звук был точно таким же, с которым разгибаются старческие колени. Человек улыбнулся.

Хозяин не вернулся ни на следующий день, ни позже. Не объявился он и через неделю. Постепенно забегаловку разграбили. Поначалу мелкие воришки пробирались внутрь осторожными, тайными вылазками. Брали в основном продукты. Однако вскоре народ осмелел. Поняв, что хозяин не вернётся, сквозь главный ход хлынули обычные обыватели. Выносили все, от посуды до мебели. Кто-то даже снял доски с пола, а затем - и со стен. В итоге нетронутым остался лишь потолок, но и он - ненадолго. Все это время человек, изображавший собаку, сидел у входа и наблюдал, как мародёры курсируют туда-сюда, поодиночке и мелкими группами.

На этот раз его «троном» стала старая бочка, которая была настолько гнилой, что украсть её никому не пришло бы в голову. Целыми днями он восседал на ней верхом, а вечерами, когда солнце заходило и становилось прохладно или когда шёл дождь, которые в Ахероне не были редкостью, забирался внутрь из-за чего получил прозвище «Затычка».

На самом деле его звали Дарваз, и в прошлом он был весьма уважаемым человеком. Впрочем, даже в его неомрачённом странностями прошлом можно было найти несколько темных пятен.

Пожалуй, даже сам Затычка не знал, что значило разыгранное им представление. Просто в какой-то момент хозяин забегаловки обратил на посетителя в лохмотьях внимание и выставил наружу.

Обычно Дарваза прогоняли от таких заведений, но большинство хозяев были куда более благосклонны. Некоторые даже давали обедки или позволяли напиться из поилки для самоходов. Большинство не желали прикасаться к Затычке, не говоря уж о том, чтоб запачкать руки насилием. Этот же тип оказался не таким щепетильным. В понедельник он выгнал Дарваза пинками, во вторник ударил ручкой метлы, а в среду, видя, как Затычка катит к его заведению свою бочку, набросился на него с кулаками. Впрочем, избиения не вышло. В последний момент хозяин забегаловки передумал, плюнул в сторону Дарваза, приговаривая что-то про «безродного пса» и «шелудивую шавку», на что Затычка тот же ответил громким «гав!», чем вызвал смех у прохожих.

В четверг он бегал по улице вокруг и громко лаял...

В конце концов кто-то сжёг забегаловку. Это было удивительно вдвойне, поскольку казалось, что внутри уже нечему гореть. Пострадала и бочка Дарваза. Один её бок почернел и обуглился, из-за чего и так ветхая посуда стала разваливаться прямо на глазах.

- Ничего, - сказал сам себе Затычка, - найдём новую.

И, улыбаясь хмурой толпе, отправился на поиски нового дома.

2. Правление костей

Когда-то Дарваз был видным философом. По крайней мере здесь, в Ахероне. Однако его карьера в университете давно закончилась. Неверно выбранная сторона - и вот последствия. И все дело в том, что - опрометчиво или нет, - Дарваз публично выступил против власти костоправов. Костоправы были биомеханиками. Свидетелями плоти, наследниками идей кураторов, этих алхимиков крови. Их побаивались и уважали, а если и осмеливались критиковать - то осторожно и тайком. Все, за исключением Дарваза. Он, напротив, публично выступил против растущего влияния биомехаников, за что лишился работы, а позже - и дома.

Глубокое знание философии пригодились и здесь. Дарваз зарабатывал на жизнь, ведя диспуты. Поначалу это были диалоги с незнакомцами, решившими испытать себя в остроте мысли. Почти все из них уходило недовольными: Дарваз был не только выдающимся мыслителем, но и отличным оратором. Вскоре диспуты начали становиться все более публичными. Собиралась небольшая толпа, внимавшая аргументам в бесконечных спорах о религии, философии, эстетике и даже кулинарии.

Вскоре выступления Дарваза стали собирать настоящие толпы - из желающих посмотреть на состязание умов, а то и поучаствовать в одном из них. Правда, с каждым разом таких охотников становилось все меньше - острый язык Дарваза разрушил не одну репутацию.

Иногда, когда желающих послушать и пофилософствовать не находилось, он взбирался на бочку и стоя на ней как на постаменте, начинал проповедовать. Справедливости ради стоит сказать, что его упражнения в диспутах привлекали гораздо больше слушателей, чем попытки ораторствовать. Горожане обходили крикуна стороной, а те, что все-таки останавливались послушать раскрасневшегося типа в лохмотьях, быстро понимали, с кем на самом деле имеют дело. Были и такие, кто тут же обращался в городскую милицию. Дескать, кто-то разводит на площади крамольные речи. Однако представители властей быстро махнули на происходящее рукой. Кому интересно, что и кто там вещает? С другой стороны, решили они, призывы к низвержению костоправов будут привлекать противников существующего порядка. Точно так же, как мошकारа летит на свет, и собирается под лампой... однажды достаточно расторопный хозяин может прихлопнуть всех одним махом.

Впрочем, то, что городская милиция не обращала на Дарваза никакого внимания, скорее подрывало его авторитет.

И только сам оратор, подозревающий, что за ним следят днём и ночью, знал цену этому своему спокойствию. Так или иначе, костоправы *уже* лишили его всего.

- Разве так называемая «истинная Биомеханика» - на самом деле «истинная»? - вопрошал он, стоя на бочке, - Разве не погибли на обочинах дорог и в уличных канавах десятки самоходов, спинномозговых велосипедов, тазовозок? Разве не разрушаются, но так и не могут умереть многочисленные предметы быта, на протяжении последних трех сотен лет превращаемые костоправами из бездушных предметов в живые, дышащие создания...

И все в таком духе.

Повозки выращивали из костей, хрящей, кожи. Движущиеся детали смазывали жиром, а функции управления брала на себя сложная нервная система. Самоходы могли служить десятилетиями, старея вместе со своими хозяевами. Нередко они переживали владельцев, и тогда они оказывались брошены в гаражах, на свалках или просто на обочинах дорог. Все ещё живые, функционирующие, они медленно угасали, но при этом оставались в сознании.

С велоспинами было ещё сложнее. Их было много, стоили они дешево, и поэтому люди просто выбрасывали старый велоспин, чтобы купить новый.

Постепенно этих органических средств передвижения, и в самом деле напоминающих смесь позвоночника и двухколёсного велосипеда, стало настолько много, что городские власти вынуждены были организовать специальные команды по сбору брошенных аппаратов. Их отвозили за границы города на одну из свалок. Однако в последнее время все чаще звучали призывы уничтожать брошенные самоходы и велоспины.

За его спиной чернели руины забегаловки, щедро политые прошедшим накануне дождём. Ходили слухи, что её хозяина отправили в шахты Басина. Думая об этом, Дарваз пришёл к выводу, что так даже лучше. В любом случае тому человеку некуда было возвращаться. А может, он стал бы очередным «философом из бочки», как он сам? *Нет, невозможно.*

Обычно его бдения длились с утра и до обеда или с позднего вечера и до полуночи, когда центр города становился необычайно оживлённым. В былые времена он заказал бы напиток, взял булочку с ветчиной и стал бы наблюдать за движением самоходов и громыхал (которым, вообще-то не разрешалось передвигаться по улицам рядом с гражданскими повозками, а только по специальным дорогам, предназначенным для тяжёлого транспорта, но всем было плевать).

Неподалёку на обочине велоспинной дорожки какой-нибудь студент стал бы чинить свой транспорт: мазать жиром уставшие хрящи или орудовать шомполом в полости позвоночного столба. Дарваз подошёл бы сказать, что именно он делает не так: ведь, здесь был нужен не голый шомпол, а щётка на длинной рукояти. Возможно, раньше тот студент даже послушал бы его.

Теперь же, скорее всего, его погнало бы прочь. Какой-нибудь велоспинник съехал бы с дорожки, чтобы напугать растрёпанного старика, а то и вовсе толкнул бы незадачливого прохожего ногой. Да и на бутылочку с напитком Дарваз вряд ли наскрёб бы. Полуталеры не сыплются из горла как старческие харчки, подумал философ, и эта мысль показалась ему настолько смешной, что он принялся хохотать, сидя на своей бочке.

Прохожие обходили его стороной.

- Эй, враль-перевертыш! - выкрикнул один.

- Тьфу, чтоб тебя, - отозвался Затычка.

Теперь он знал, что, если смотреть на мир слишком упорно, тот перестаёт быть суетливым, лишённым смысла местом. Даже его собственная никчёмность казалась Дарвазу чем-то возвышенным и даже... *правильным*. А, может, и необходимым.

Он целыми днями разглядывал далёкий шпиль Курсора - цитадели костоправов. Когда-то он был символом могущества алхимиков крови, но те времена давно прошли. Теперь цитадель служила противоположной цели - быть напоминанием, что все в жизни скоротечно, и ничье могущество не вечно.

В отличие от кураторов, которые господствовали после Разрушения двести-триста лет назад, костоправы, возвышение которых началось не так давно - около сотни лет тому, в эпоху Ранней биомеханики, не стремились к публичности. Напротив, они спрятали свои фабрики глубоко под землёй, а первые свои эксперименты и вовсе осуществляли в тайне.

Если кураторы работали с мёртвой плотью, выкачивая из мертвецов кровь, чтобы впоследствии превратить её в эссенцию памяти - жидкость, способную хранить воспоминания, то костоправы обращались к плоти живой. Сращивая один организм с другим, меняя местами органы, прививая конечности, они добились того, что живая плоть стала не только материалом в их руках, но и инструментом.

Именно это больше всего настораживало. И не в последнюю очередь потому, что биомеханизмов, созданных костоправами, стало слишком много. Фабрики, которые так и не вышли на поверхность, теперь работали сами по себе, выращивая все более чудесные творения из

кожи, плоти, хрящей и костей. Их называли «темными фабриками», и они действительно работали в полной темноте, ведь биомеханизмам, собирающим себе подобных, не требовался свет или, если на то пошло, воздух или вода. Как не требовался им сон. Именно поэтому фабрики никогда не останавливались, а рабочие смены в них длились бесконечно.

Вот где пора задуматься над извечным парадоксом: что было раньше - курица или яйцо? Или в данном случае - как дошло до того, что биомеханизмы воспроизводят сами себя как змея, кусающая себя за хвост в вечном цикле движения и превращения...

Дарваз всё ещё сидел на своей бочке в центре города: по правую руку - торговые кварталы; по левую - дом промышленников с его богатой лепниной и настолько изящными балкончиками, что, казалось, они готовы рухнуть под собственным весом; впереди - улица для самоходов... когда в небе неожиданно возникла точка.

Она быстро увеличилась в размерах, приближаясь. Поначалу Дарваз решил, что над его головой один из ветрокрылов. Вблизи этот аппарат напоминал крылья летучей мыши, соединённые с парой костей. Однако так высоко они не поднимались. Возможно, этот экземпляр был совсем крохотным, а может, это зрение подводило Дарваза? Впрочем, даже самому себе он не любил признаваться в том, что стареет.

Между тем объект приближался. Затычка прищурился и приложил руку козырьком ко лбу, глядя вверх. У прохожих его поведение давно перестало вызывать удивление - мало ли что разглядывал одинокий чудака, живущий в бочке из-под солений. Поэтому никто не поднял голову и не посмотрел в небо. Однако если бы это все же случилось, и нашёлся кто-то столь же интересующийся происходящим, то, подняв взгляд, он увидел бы спускающегося с небес ангела.

- Хо-хо-хо, - захал Затычка, - Хо!

Фигура ангела быстро обрела очертания. Спустя несколько мгновений Дарваз понял, что крылатый летит прямо на него.

Нет, - не летит - падает!

Наверняка сказать было сложно, однако Затычка почему-то был уверен: столкновение неизбежно.

Вот оно! Значит, костоправы все-таки решили избавиться от него и додумались сделать это таким хитроумным способом! Ведь что может быть достовернее смерти от несчастного случая? А если он произойдёт на перекрёстке главных улиц, на виду у всех - кто усомнится в его случайности? Даже если смерть Затычки будет очевидно подстроена - то как это доказать?

- Хо-хо, - повторил Дарваз.

Внезапно его философский мозг утратил все концепции, теории, аргументы споров и диспутов. Да что там - философ забыл, как говорить.

- Хо-хо, - только и мог он повторять, предчувствуя, как тело ангела вот-вот врежется в его собственное.

Хотя ангелы в большинстве своём и не выделялись физическими данными, столкновение с одним из них на полной скорости будет равносильно удару о бетонную стену. Это наверняка прикончит Затычку, не оставив и мокрого места. Возможно, после него останутся бочка и паратройка обломков костей и зубов - вполне достаточно для того, чтобы написать надгробную табличку: *«здесь жил и работал великий философ Дарваз, прозываемый Затычкой...»*

Расстояние между Дарвазом и пикирующим ангелом сократилось настолько, что стал виден гигантский размах крыльев летуна. Он и в самом деле превосходил косую сажень. На мгновение Дарваз представил себя под сенью гигантского зонтика... Однако времени больше не было. Спустя долю секунды ангел должен был врезиться в него... Дарваз зажмурился.

Ничего не произошло. Только лицо обдало неизвестно откуда взявшимся ветерком.

Может, ангел промахнулся? Упал рядом и погиб, не захватив с собой мятежного философа? В таком случае вывод напрашивался сам собой: организовавшие все это костоправы

никуда не годятся, раз не могут прихлопнуть жалкую муху (а в их глазах Дарваз наверняка был мухой или другим, ещё более ничтожным насекомым - например, тараканом или комаром).

Нет, удача с промахом ангела тоже была подстроена. Костоправы не промахиваются. Костоправы никогда не ошибаются.

Затычка открыл глаза. Первое, что он увидел - никакого кровавого пятна рядом. Ангел не рухнул в облаке перьев и не разбился о мостовую. Наоборот, он стоял рядом, целый и невредимый, сложив руки на груди, и улыбался.

- Дарваз Поступикулли, я полагаю.

Услыхав вторую половину своего имени, Затычка едва не поперхнулся. Никто так его не называл уже добрую сотню лет. Да никто и не помнил его полного имени.

Затычка окинул ангела взглядом.

Не то, чтобы *этот* отличался от других... Небесный гость стоял, сложив за спиной птичьи крылья и невозмутимо смотрел на Затычку. Смотрел ему прямо в глаза.

Дарваз почувствовал себя неловко. Даже более того - он почувствовал себя глупо. В глаза бросилась абсурдность положения: провонявшая соленьями бочка, рваная одежда, всклокоченная борода - какой-то остряк накануне ночью подпалил ему бороду факелом.

Ангел сложил руки на безволосой груди. Дарваз заметил, насколько большие у него когти - как у птицы. При этом они были черными. Эта чернота перетекала на кончики пальцев, как будто ангел обмакнул их в тушь. Интересно, это было сделано искусственно - например, с помощью чернил, - или у ангелов и в самом деле были такие ногти и пальцы? Дарваз с удивлением обнаружил, что никогда не видел ангела настолько близко...

В Ахероне крылатые по-прежнему оставались презируемой кастой. Их не звали, а они явились с небес и начали свою жизнь среди обычных горожан. Это произошло триста лет назад. Вернее, на землю спустились бескрылые предки этого ангела, используя летающие диски.

Впрочем, не любили ангелов вовсе не за это, а за то, что они были повинны в катастрофе, постигшей Ахерон. Сейчас не особенно стремились об этом вспоминать, однако около трех сотен лет назад случилось Разрушение. Все механизмы, малые и большие, от самых простых до сложнейших, перестали работать. Находившееся на вершине технологического развития государство в одночасье оказалось отброшено назад. Дарваз считал это поучительным. Хотя бы потому, что нынешнее костоправы не слишком отличались от механиков прошлого. Одни использовали металл, стекло, трубки и шестерни, другие - кости, хрящи, искусственно выращенную кожу.

- Аф-фра-им, - сказал ангел, слегка наклонив голову.

Стоя верхом на бочке, Дарваз был почти вровень с ангелом - и это при том, что у крылатого был средний по меркам его вида рост - около двух с половиной метров. Рост некоторых его сородичей превышал три метра. При этом ангелы были тощими настолько, что могли целиком укрыться за стволом не крупного дерева. Дарваз с улыбкой подумал, что его бабушка сказала бы в таком случае: «кожа да кости». Была ли у этого ангела *своя* бабушка? Наверняка. Только вот жила она задолго до бабушки Затычки - век ангелов длится дольше человеческого, и стоявшему перед ним крылатому, невзирая на молодой вид, могло быть больше лет, чем окрестным зданиям, которые построили ещё в начале эры Истинной биомеханики.

- Что угодно? - спросил философ, подбоченившись.

Надо сказать, за годы, проведённые на улице, он не растерял манеры.

В ответ ангел едва заметно усмехнулся.

Что же это такое? Почти невидимый кивок в знак мнимого уважения, презрительная ухмылка... Уж не явился ли этот тип поучаствовать в диспуте?

Хотя с ангелами Дарваз ещё никогда не состязался, эта идея не показалась ему такой уж нереалистичной. Впрочем, привлекательной она ему тоже не казалась. Представьте себе философствующего крылатого... что станет делать собравшая послушать их интеллектуальную

пикировку толпа? Скорее всего разбросает летуна тухлыми фруктами, а то и вовсе камнями. Вон сколько мусора валяется под ногами.

- Угодно? - Переспросил ангел. - Мне?

Не успев начаться, этот разговор уже порядком надоел Затычке. Невзирая на то, что он был философом, а значит ценил блуждание мысли, Дарваз любил ясность во всем. И не только в связях, но и в том, что касалось случайных знакомств. А это знакомство, как ни крути, именно таким и было - случайным, а возможно, и вовсе ошибочным.

Постойте-ка, ведь ангел назвал его имя...

Затычка насторожился: неужели костоправы придумали новый, более хитроумный способ добраться до него?

- Что вам угодно? - выпалил он только для того, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

- Угодно? - нахмурился ангел.

Надо сказать, что у крылатых это выглядело забавно. Будучи полностью лишён волос, крылатый представлял собой забавное зрелище: лысая как бильярдный шар голова, блуждающий взгляд и отсутствующее выражение лица. Удивительно, сколько может выразить простое поднятие бровей и сколько всего остаётся не высказанным если бровей у собеседника нет...

- Кхе, кхм, - начал Дарваз и замолчал.

Вообще-то крылатый заговорил с ним первым, и именно он должен был поддерживать разговор, но ангел просто стоял и смотрел прямо перед собой, не мигая.

Дарваз осторожно отклонился в сторону. Узкая поверхность бочки, на которой он стоял, не позволяла отступить в сторону, но и этого было достаточно: ангел не перевёл взгляд, продолжая смотреть перед собой. Туда, где секунду назад находилось лицо Дарваза.

Затычка хмыкнул и отклонился в другую сторону. То же самое: ангел и бровью не повёл. Как будто все его тело в один момент сковал паралич.

Дарваз видел, как на них с интересом поглядывают прохожие. Кто-то даже замедлил шаг, наблюдая за тем, как Затычка кривляется, отклоняясь то в одну, то в другую сторону как пляшущая под дудку фокусника змея.

- Ну ладно, - пробормотал он, спрыгивая с бочки.

Все больше прохожих обращали на них внимание. В этой части города пешие и проезжие улочки сходились в сложную развязку. Поэтому с публикой у Дарваза всегда был порядок. Правда сейчас их интерес был направлен ни на «философа из бочки», а на ангела. Не так уж часто можно было встретить крылатого в центре города.

Рядом, издав пронзительный сигнал, проехал самоход. И вновь ангел никак не отреагировал.

- Ну, дела, - бормотал Затычка, обходя крылатого кругом.

Он коснулся ангела пальцем. Сначала осторожно, затем надавил сильнее. Кожа крылатого была необычайно холодной (последствия полёта?) и шершавой. У Дарваза возникло ощущение, будто он проводит подушечками пальцев по куску мела... В любом случае это было нечто неживое, нечто мёртвое...

Дарваз надавил сильнее... И в этот момент ангел неожиданно заговорил, причём на этот раз и - Затычка готов был в этом поклясться, - голос крылатого звучал иначе.

Нет, не так, решил про себя философ: *не просто иначе*.

Этот голос был *абсолютно другим*, и отличался от того, что Дарваз слышал чуть раньше. Губы ангела шевелились, но на лице сохранялось все то же пустое выражение.

Посредством его голосовых связок и рта говорил кто-то другой!

- *Твою мать! Вот херня, он завис. Не сказать, чтобы неожиданно, старый ты кусок дерьма. Пора на помойку. Внутри весь сгнил. Ничего, ничего. Отсчёт идёт? Так, хорошо, ещё немного...*

Дарваз почувствовал неладное ещё до того, как голос начал говорить про «отсчёт». Он осторожно обошёл бочку так, чтобы она оказалась между ним и ангелом, затем отступил на шаг. Крылатый продолжал смотреть перед собой все тем же остекленевшим ничего не выражающим взглядом. На его лице двигались только губы.

- *Ох, и потеха будет. Двух зайцев одним... Пстой-ка. Он - что? - нас видит?*

Дарваз продолжил отступать.

- *Нет, нет, нет*, - продолжало доноситься у ангела изо рта, и Затычка вспомнил, как однажды читал, что незадолго до Разрушения люди придумали прибор (или это было устройство?), способное передавать звук на расстоянии. Достаточно было просто нажать кнопку или повернуть ручку, и из специального ящика начинала звучать человеческая речь или музыка. Теперь, конечно, трудно было поверить в существование чего-то подобного, но странность, свидетелем которой Дарваз только что стал, можно было объяснить лишь так: кто-то вещал посредством ангела.

Неожиданно ангел вскинул руки перед собой.

- Куда пошёл, - засмеялся кто-то ангельскими губами, причём на лице самого ангела по-прежнему не отражалось и тени эмоций, - *У меня сюрпри-и-и-з...*

Зеваки показывали на Дарваза и ангела пальцами, смеялись. Все это, по их мнению, было необычной, интересной потехой. ещё одной выходкой странноватого, но забавного старика.

Между тем Затычка продолжал пятиться, сопровождаемый жутким бормотанием ангела.

В какой-то момент он оступился и рухнул навзничь.

- Вот оно, - сказал ангел, - Сейчас.

Каким-то образом Дарваз понял, что произойдёт в следующую секунду. А может, просто сработал инстинкт самосохранения. В последний момент он прикрыл глаза рукой.

Ангел взорвался. С громким хлопком он разлетелся на части.

Дарваза с ног до головы окатило кровавым душем. Множество мелких и крупных частей тела разбросало на многие метры вокруг. Взрыв был такой силы, что одну ногу ангела забросило на крышу соседнего здания, а оторванная кисть на бешеной скорости влетела в проезжавший недалеко самоход.

Но больше всего было перьев. Крылья ангела разметало взрывом, будто пух из подушки. Всё ещё лёжа на земле, Дарваз поднял голову навстречу падающим с неба белым хлопьям.

Они медленно кружились и оседали в кровавые лужицы.

Все происходило в неестественной, глухой тишине, и Затычка вдруг понял, что взрывом ему заложило уши.

А белый пух с небес продолжал таять в лужах, пропитываясь красным, тяжелея, и утопая.

Это напомнило Дарвазу другой день, много лет назад.

В тот день он точно также лежал на земле, избитый и покалеченный, а сверху падали клочья белого пуха. Правда, на этот раз это и в самом деле были ошметки разорванной подушки.

И слух в тот раз не подвёл Дарваза. Мысленно переживая все в очередной раз, он повернул голову, но вместо улицы и проезжающих мимо самоходов, увидел черный зев дома, полыхающий по стенам внутри огонь и тени, и тёмные фигуры, размашисто молотящие короткими палками по чему-то у своих ног.

Крики боли. И детские крики. И бешеный, яростный рёв пламени.

3. Трудности понимания

Никаких трудностей, совсем никаких, размышлял Амбротов, перекладывая пробирки из ёмкости с раствором, где они отмокали, на сухую салфетку. Совсем никаких!

Вслух при этом он сказал:

- У нас трудности.

Затем он отряхнул мокрые руки и принялся застёгивать манжеты рубашки: когда Амбротов работал, он всегда закатывал рукава к локтям.

- Трудности? - переспросил голос у него за спиной.

Амбротов обернулся и посмотрел на обладателя голоса: к специальному сосуду эллипсоидной формы было приделано переговорное устройство. Внутри сосуда в специальном растворе находилась человеческая голова. Раствор был мутным с характерным желтоватым оттенком, а волосы на макушке головы покачивались.

Всякий раз, когда Амбротов смотрел на это создание, его раздирали противоречивые чувства. С одной стороны вид отделённой от тела человеческой плоти пугал и настораживал, с другой - вид пушка на макушке был слишком забавным...

На первый взгляд голова была абсолютно, однозначно и бесповоротно мёртвой, как и все до единого органы и части тел, когда-либо погруженные в формалин и другие консервирующие жидкости. Проще говоря, эта голова была не живее бобов в сахарной заливке, однако каким-то образом она (вернее чудом сохранившейся мозг), всё ещё могла испускать телепатические сигналы, которые воспроизводились системой связи.

Когда Амбротов только начал учёбу, Голова уже была здесь. Он и по сей день помнил доносящиеся сквозь динамик язвительные замечания, проклятия и даже угрозы. Затем незаметно для обоих они стали коллегами - проклятия и угрозы теперь были не в ходу, а вот язвительных замечаний стало заметно больше.

Все меняется, все проходит, как сказал бы какой-нибудь древний философ. Что действительно осталось неизменным, так это то, что за все эти годы Амбротов так и не узнал имени головы. Не сказать, чтобы голова хоть когда-нибудь интересовалась *его* именем в ответ... Но вот сам Амбротов, раздираемый любопытством с первых дней знакомства, не оставлял попыток вывести у головы её настоящее имя. Кем при жизни был этот человек с венчиком развивающихся волос на макушке? Как его звали? Была ли у него семья, дети? И главное - действительно ли он имел право учить, наставлять и экзаменовать такого человека как сам Амбротов?

С годами этот интерес поубавился (главным образом потому, что Амбротов осознал тщетность своих попыток), но не исчез совсем. Голове этого знать было не обязательно - но Амбротов поклялся себе, что однажды выведает у коллеги не только его настоящее имя, но и детали биографии.

- Трудности? - вновь переспросила Голова.

Амбротов, который в тот момент стоял к сосуду спиной, буквально ощутил, как его собеседник горестно качает головой, хотя конечно же знал, что тот не способен даже подмигнуть ему.

Их лаборатория располагалась в здании с необычайно высокими потолками. На самом деле это был бывший лекционный зал, сейчас переделанный под нужды науки. За парой огромных стрельчатых окон в несколько человеческих ростов открывался вид на оживлённую часть города с её велоспинами и самоходами. Людские толпы плыли в потоке биомеханических изделий, не подозревая, что такие умы как Амбротов и, хм... *Голова*, годами трудились над усовершенствованием почти каждого из этих необычных устройств.

Да, несколько лет назад Амбротов решил называть безымянную голову... просто Головой. Так было проще, да и не сказать, чтобы учёный нуждался в том, чтобы отождествлять голову с живым человеком. Коим, конечно же, его безымянный коллега когда-то являлся.

Порой Голова выдавала сведения, которыми никак не могла обладать в силу того, что ни разу на памяти Амбротова не контактировала с миром снаружи. Кроме того, он никогда даже не выставлял сосуд к окну - консервирующая жидкость и её содержимое были чувствительны к яркому свету. Впрочем, это не мешало Голове быть в курсе новостей. Амбротов подозревал, что разум, заключённый в стеклянный сосуд, был слишком деятельным для того, чтобы прозябать в праздности, и работал постоянно, каждую минуту, в том числе переваривая услышанное в обрывках разговоров.

- Как поживает Рависса? - спросила голова.

- Я, кажется, уже просил не упоминать имя моей сестры, - ответил Амбротов, - Ума не приложу, откуда тебе может быть о ней известно.

- Известно, и многое. Знаешь, мог бы иногда делиться с коллегой.

Наверняка Голова имел в виду болезнь Рависсы. Вот уже несколько недель сестра Амбротова не вставала с постели. Доктора ломали голову - в чем причина внезапной слабости этой совсем ещё юной девушки, однако никто из них не мог сказать ничего вразумительного. Несколько дней тому Амбротов обмолвился об этом одному из коллег (не Голове). И вот теперь об этом знал мертвец в банке. *Он что, подслушивал?* Или, что ещё хуже, - следил? Как ни странно, не требовалось усилий, чтобы поверить и в первое, и во второе.

- Не ваше дело, - ответил Амбротов, проверяя пробирки на свет.

В одной из них остались капли воды, и он принялся протирать её салфеткой.

Монотонная работа доставляла молодому учёному удовольствие. Временами он даже завидовал тем, кто занимается однообразным, скучным трудом. По крайней мере, постоянно занятые руки дают отдых голове.

Подумав об этом, он мысленно одёрнул себя. Нет, не надо ему свободной головы, поскольку посторонние мысли будут только мешать сосредоточиться. Уж лучше полностью погрузиться в интеллектуальный труд!

Отогнав невесёлые мысли, он взял со стола лист бумаги и вставил его в рамку самописца. Внешне самописец напоминал проволочный куб, к верхней грани которого было приделано нечто очень сильно смахивающее на человеческую руку и с авторучкой в пальцах. От куба отходила пара металлических проводов, заканчивающихся присосками. Нужно было закрепить эти присоски на лбу - и самописец начинал воспринимать мысли человека, а «рука» в это время фиксировала их на бумаге. Конечно, то, что казалось рукой на первый взгляд, ею не являлось. По крайней мере, это была не настоящая человеческая рука, хотя изготовлена (а вернее, выращена) она была из того же самого материала, что и натуральная: из костей, плоти, кожи.

Обычно Амбротов надиктовывал результаты экспериментов сам, но на этот раз, раздражённый вторжением коллеги в собственную жизнь, закрепил присоски на стекле банки, в которой плавала голова.

Минуту ничего не происходило, а затем повинуюсь мысленным командам «рука» самописца неожиданно дрогнула. Ручка в ней коснулась бумаги и принялась выводить одну строчку за другой. При этом сама «рука» двигалась вдоль проволочной рамы в верхней части прямоугольника. Кому-то подобное устройство могло показаться примитивным или даже бесполезным - зачем создавать биомеханический самописец, когда есть собственные руки... но в данном случае у Головы рук-то как раз и не было!

Самописец зафиксировал строчку текста, после чего замер.

Амбротов подождал немного, но, по-видимому, краткое послание - это все, на что был способен его коллега.

Предчувствуя критику своего недавнего эксперимента, Амбротов взял бумагу, поднёс к глазам и прочитал: «Так что там с Рависсой?»

Скомкав записку, он бросил её в мусорное ведро.

- Не ваше дело, - он слегка щёлкнул кончиками пальцев по мутноватому стеклу банки. Голова никак не отреагировала. Впрочем, это было не совсем так - неожиданно из динамика раздался не то хрип, не то смешок. И на этом все.

Голова могла хранить молчание неделями, даже месяцами, а затем вдруг разразиться многочасовой лекцией на тему биологии, химии или биомеханики. В последней области обладатель заспиртованного мозга обладал совершенно поразительными знаниями.

Амбротов вернул пробирки на полку, расставив их в строгом порядке рядом с другими ёмкостями. Вообще, полки, а также столы с разнообразными инструментами занимали основную часть бывшего лекционного зала. Иногда Амбротов думал, что если бы можно было расти ввысь, а не только вширь, то их лаборатория скорее напоминала бы многоступенчатый зиккурат. И даже, возможно, стала бы конкурировать с самим Курсором.

Подумав об этом, Амбротов против воли бросил взгляд в окно. Ни одно здание в городе не могло соперничать с Курсором. И не только потому, что последний по-прежнему оставался самым высоким строением в Ахероне. Здание Курсора было спроектировано и построено так, чтобы как был нависать над городом, довлеть над ним. Иногда, дав волю фантазии, Амбротов представлял себе грозного учителя, склонившегося над шаловливыми учениками. Кем были эти ученики? Уж не всеми ли прочими горожанами? И не относился ли к их числу сам Амбротов, его сестра Рависса, Голова, наконец?

Внезапно внимание учёного привлёк подозрительный звук. Он явно исходил с улицы, с той стороны стекла.

Наверняка, решил Амбротов, звук этот был громким, раз смог достичь высоты их этажа, да ещё вдобавок был слышен через стекло.

Может быть, авария с одним из самоходов? Подобное случалось крайне редко и только со старыми и отслужившими своё биомеханизмами, однако не сказать, чтобы аварии были *крайне* редки. Некоторые из них даже сопровождались человеческими жертвами. В таких случаях всегда происходило подробное и доскональное расследование, целью которого было выяснить, не уничтожили ли самоходы своих хозяев *намеренно*.

- Ты только посмотри на это, - сказал Амбротов, выглядывая в окно.

Обращался он к Голове. Разумеется, сам обладатель заспиртованного мозга не мог не только выглянуть в окно, но даже открыть наполовину прикрытые веки.

И все же Амбротов продолжал:

- Вокруг этого типа с его бочкой целая толпа. Неужели опять проповедует? На этот раз ему точно достанется от костоправов. Как считаете?

Из динамика не донеслось ни звука.

- Ого! Я вижу ангела.

Даже с такого расстояния было слышно, как ахнула толпа.

Надо же, настоящий ангел!

Сам Амбротов попытался вспомнить, когда в последний раз видел крылатого вживую.

Предки крылатых переселились с небес на землю, используя летающие диски, ведь крыльев их лишили собратья после войны на небесах. Очень скоро бескрылые *не-ангелы*, как их называли, поняли, что на земле им не рады. Люди так и не приняли гостей с небесных островов. В итоге те организовали в крупных городах нечто вроде общин, жили замкнуто, практически не вступая в контакт ни с кем.

Невзирая на то, что лишённые крыльев изгои так и не нашли своего места, они смогли образовать небольшие общества, создать семьи, продолжить собственный род. Родившиеся на земле ангелы были уже крылатыми. Никто не лишал их крыльев в младенчестве.

Новое поколение стремилось к тому, чтобы вырваться из резерваций, стать наравне с людьми. Многие здесь, в Ахероне, по-прежнему противились этому, однако были и такие люди как Амбротов, которые искренне не понимали, почему ангелов считают существами второго сорта. Разве недостаточно того, чего они натерпелись от своих «хозяев» на небесах?

Внезапно «рука» самописца за спиной у Амбротова ожила. Он и забыл, что провода с присосками на концах были до сих пор подсоединены к ёмкости с законсервированной головой.

Самописец записал несколько слов и замер.

Внезапно снаружи раздался хлопок. Амбротов прильнул вплотную к стеклу. Для этого ему пришлось взобраться на подоконник.

Минуту он молчал, не слыша никого и ничего, даже не дышал. Когда от скопившегося в груди воздуха стали болеть лёгкие он оглушительно одним усилием выдохнул. На стекле, которого почти касался кончик его носа, образовалось влажное пятно. Оно скрыло от взгляда то, что творилось на площади.

Амбротов повернул голову в сторону банки с плавающей в ней головой и дрожащим голосом сказал:

- Кажется, я только что видел, как ангел взорвался.

И только потом, переведя взгляд на бумагу под «рукой» самописца, причитал:

«Жалко ангела».

Это Голова написала несколькими минутами ранее.

4. Эти сумасшедшие птицы снова собираются в стаи

- И вот что получается, - сообщил голос за толстым стеклом в то время, когда руки, принадлежавшие говорившему, упражнялись в мелкой моторике внутри аквариума, - Привычная нам форма всякой жизни вовсе не конечна. Она даже не промежуточная, а находится в самом начале. Вот пример: ребёнок получает на день рождения коробку с конструктором. Внутри коробки лежат необходимые детали, а на самой коробке есть инструкция, в которой сказано, что собрать их можно только одним способом. Ребёнок собирает конструктор, раз, другой. В итоге ему становится скучно. Он идёт в соседнюю комнату, где под кроватью и в шкафу лежат детали похожего конструктора и берет несколько. Затем он дополняет уже созданное. В итоге конструкция та же самая, но одновременно отличается от той, что указана в инструкции. Знакомо, верно? В роли того ребёнка мы каждый раз возвращаемся в воображаемую комнату, чтобы взять что-нибудь полезное - что-то, что поможет достроить нам пару этажей существующего здания... Или может, приделать пару ног случайной кошке. Или - кто знает, - вторую голову.

- Две головы всяко лучше, - отозвался женский голос из другого конца помещения, - Не даром мы с тобой такая хорошая пара.

Обладательница соблазнительного голоса раскинулась в кресле, глядя, как её любовник трудится над тем, что они оба называли «аквариумом». В сущности, это он и был, с той лишь разницей, что в этот «аквариум» никогда не запускали рыбок, да и воды в нем никогда не было.

А вот что было - так это огромная, величиной с руку взрослого мужчины, многоножка, обладающая загнутым кверху, как у скорпиона, хвостом. Хвост этот состоял из позвонков и студенистой массы, заменявшей смягчающий гель. На конце скорпионьего хвоста помещалось не жало, а утолщение, внутри которого находилась катушка провода. Кончик провода торчал наружу как крохотная антенна.

В последние полтора часа Энлиль Бах, так звали человека у аквариума, безуспешно пытался подсоединить к этому проводу хрящевой коннектор. Оба устройства скользили в руках из-за покрывавшего их геля, а провод в хвосте существа так и норовил скататься обратно в катушку. Вдобавок многоножка постоянно суетилась, виляла из стороны в сторону, а один раз даже попыталась ухватить Баха за руку. К счастью, биоинженер отделался лишь лёгким укусом - но боль от этого была не менее сильной. Он вскрикнул и почти сразу услышал, как в своём кресле рассмеялась Давлина.

Вот же несносная девчонка.

На самом деле Энлиль получил от твари не одну травму, а десяток. На концах крохотных ножек существа были двойные когти, больше похожие на кончики ножниц; ими как крохотными щипчиками многоножка цеплялась за вертикальные стены. Только сейчас в роли поверхности, за которую можно было цепляться, выступала рука Энлиля.

Из множества мелких порезов сочилась кровь, и кажется, это ещё больше раздражало многоножку. В какой-то момент, изогнувшись так что все её тело стало похоже на хитро закрученную шипастую спираль, тварь впиалась в один из самых крупных порезов и стала буквально пить кровь.

- А ну, пошла прочь, - Бах хлопнул многоножку по суставчатому телу.

Тело твари под рукой в перчатке ощущалась так, будто было отлично из смазочного геля, обтянутого во вторую перчатку.

Нет, подумал Энлиль, больше всего оно напоминает кактус. Податливая мякоть, тонкая кожа, и из всего этого торчат смертоносные иглы. В данном случае - тонкие костяные ноги.

Тварь отцепилась от руки Баха, составив темно-фиолетовый след, похожий на один из засосов, которые оставались после ласк Давлины и шмыгнула в дальний угол аквариума.

- Все равно до тебя доберусь.

Забившись в угол, тварь неожиданно развернула к Баху свою клинообразную, похожую на острие топора, морду и зашипела.

Подобные многоножки использовались для очистки тоннелей, для прокладки систем связи и тому подобного. Однако *этот* экземпляр Бах значительно усовершенствовал.

Его отец всегда говорил, что горы покоряются настойчивым, хотя сам Амброзий Бах в горах никогда не был. В его понимании это означало, что-то вроде извечного «терпение и труд - все перетрут». О том, что настойчивость нередко приводит к смерти в горах, он либо не задумывался, либо намеренно умалчивал. Сама мысль о собственной кончине была чужда Баху-старшему, который за жизнь ни разу не обращался к врачам, а затем однажды просто рухнул, пытаясь снять чашку с верхней полки кухни. И все же фраза запомнилась Элу, как отец нередко называл Энлиля.

- Горы покоряются настойчивым, - повторял он, сидя темными ночами в своей «лаборатории», которая на самом деле была крохотной частью кухни (той самой, где несколько лет назад умер его отец, и даже стол его располагался ровно в том месте, где Бах-старший упал, затрясся в предсмертной судороге и отдал богу душу).

Он повторял эту фразу, когда приобрёл набор первичной настройки, фито-ванну и бутылочку жидкости-кодиатора, такой серой субстанции, от которой все растёт быстрее - от грибов до... до чего угодно.

Можешь сунуть туда своего друга, подождать пять-шесть часов и... По -крайней мере, так говорил человек, продавший ему все это.

Разумеется, Бах не собирался делать что-то подобное, хотя Давлина наверняка оценила бы юмор.

Впрочем, размышлял Энлиль, *все это* было не самой лучшей идеей.

И здесь ему на ум приходила мысль: *плохой* была идея купить ворованные комплектующие на черном рынке. А вот идея *использовать* их была просто *ужасной*.

Погодите-ка, он ведь не собирался на этом останавливаться. Наука ради науки? Разумеется, нет. Полученный продукт он рассчитывал продать.

А вот эта идея была уже просто кошмарной.

Наконец ему удалось совладать с многоножкой. Крепко обхватив её за туловище, Эл одним движением вырвал провод из хвоста и быстро подсоединил к уже готовому коннектору. Даже сквозь перчатки он чувствовал, как острые коготки твари готовы впиться ему в кожу. Рана кровоточила, но... Эй? Разве не настойчивым покоряются горы?

Энлиль отбросил многоножку в дальний угол аквариума. Теперь нужно было подождать, пока хрящевой коннектор приживётся.

Сзади раздались хлопки.

Давлина аплодировала. Она поднялась со своего кресла, отставила в сторону пустой бокал и слегка покачиваясь, подошла к Баху. её руки обняли его сзади, подбородок лёг на плечо. От Давлины пахло алкоголем, и Энлиль подумал, что и сам не прочь выпить. По крайней мере, это у него получится с первого раза. Открыть бутылку, налить бокал - что может быть проще? Наверняка поэтому в мире так много пьющих людей. Умение напиваться не требует каких-то особенных талантов.

Таким же был и его отец. Мнимый покоритель гор, самым большим достижением которого стало выпивать по две бутылки за вечер и умудряться при этом стоять на своих двоих.

- Я же говорю, - проворковала Давлина ему на ухо, - Мы отличная пара.

Бах собирался ответить. Он как раз придумывал что-то остроумное, что-то, что могло соответствовать его образу анархиста и подпольного биоинженера, когда в дверь настойчиво постучали.

Энлиль Бах не всегда был таким. Из испуганного мальчишки, ежедневно ожидавшего от отца побоев, он вырос в озлобленного молодого человека, сбегавшего из дому при каждом удобном случае. Первое время он подрабатывал на фабриках, где восстанавливали биомеханизмы: испорченные повозки, ветрокрылы, в которых по каким-то причинам сбилась программа, повреждённые велоспины.

Не то, чтобы Эл любил работу. Просто для того, чтобы не протянуть ноги с голоду, нужны были деньги. И хотя платили сущие гроши, ему почти хватало, чтобы свести концы с концами. Другим важным преимуществом этой работы было то, что он получил некоторые навыки в биоинженерии. И хотя до звания настоящего инженера ему было далеко, теперь Эл мог устранить простую поломку велосипеда, или, к примеру, заново настроить сбившееся сознание самохода.

С последними ему нравилось работать больше всего. Отчасти потому, что самоходы были сложными устройствами. Некоторые - более старые или более дорогие модели, и вовсе обладали зачатками сознания. Поначалу это пугало Баха, однако со временем он научился держать в уме, что то, что казалось ему полноценным разумом, запертым в машине из костей, хрящей и кожи, на самом деле таковым не являлось.

Многие самоходы и сами не знали, что их создали, собрали где-то в глубине темных фабрик. Они продолжали верить в своё естественное происхождение.

Многие напоминали псов или других домашних животных. Они настолько привязывались к своим хозяевам, что порой выли по ночам в темных ангарах. Были среди них и те, что намеренно убил своих владельцев. Такие интересовали Баха больше всего.

Стук в дверь повторился. Теперь барабанили кулаком. Следующий этап, подумал Бах, - и неизвестный визитёр начнёт лупить по двери ногой.

- Кто там? - осторожно спросил он, в то время как Давлина лихорадочно искала, чем бы укрыть аквариум.

Наконец она содрала с кресла накидку и едва успела набросить её на злосчастное местоимение многоножки, когда дверь с грохотом распахнулась.

Бах отступил от аквариума.

5. Синергия жизни и смерти

Дверь грохнулась о стену, повиснув на одной петле.

В голове Энлиля Баха промелькнула мысль, что давно пора было бы сменить эту хилую, ни на что не годную дверь на новую, может быть металлическую... И вслед за тем он с унынием подумал о том, что возможно, такого шанса ему не представится. Когда кто-то поступает с твоей дверью похожим образом, намерения у него явно серьёзные.

Энлиль не знал, что это: какой-то газ или возможно, пыль, скопившаяся за десятилетия процветания различных насекомых и паразитов в стенах и дверях дома, однако в дверном проёме мгновенно расцвело мутное облако. Сквозь него шагнули тени.

Всего их было трое.

Оторопевший от ужаса Бах стоял и смотрел, как они входят в комнату и направляются прямо к нему. Откуда-то из коридора слышались крики - видимо кто-то из соседей пожаловался на шум и тут же пожалел об этом. А, может, вмешался домовладелец? Если так, Энлиль был бы даже рад, если бы тому дали в кости - у них с этим толстяком были сложные отношения.

Все эти мысли мгновенно вылетели у Энлиля из головы - потому, что в лицо ему последовал быстрый и жёсткий удар, от которого комната качнулась назад, затем перевернулась.

Бах рухнул навзничь. К счастью, на пути ему встретился диван, и он буквально впечатался в него. Он слышал, как закричала Давлина, как гаркнул один из голосов.

Тени материализовались в тёмные зловещие фигуры людей в боевом облачении. Энлиль увидел наведённое на него оружие и почувствовал, как душа уходит в пятки. Оружие было не простым, а биомеханическим - хрящи и кожа, нарощенные вокруг скелета ручного пулемёта. Такими же были и маски на лицах этих людей - фактически живым продолжением лиц. А может, это и были их лица: с искусственно утолщёнными костями, костяными щитками на глазах, многослойной кожей, в которой слой за слоем были уложены нейроны для телепатической связи.

Как ни странно, дальнейшего избиения не последовало. Один из «гостей» взял за локоть Давлину и усадил в кресло в противоположном конце комнаты (это Бах видел краем глаза), в это время двое других стали по сторонам дивана, повернувшись лицом к тому, что осталось от двери, и замерли.

Клубы пыли не успели рассеяться, когда в комнату ступил человек в деловом костюме. Он был небольшого роста, ниже самого Баха, так что казался одного роста с ним сидящим, и само собой, гораздо ниже замерших «часовых». И все же невзирая на невысокий рост, он производил впечатление человека, обладающего немалой властью.

Руки гость держал за спиной так, будто приготовил Баху сюрприз.

Последний уже понял - перед ним не наёмники, а представители властей. *Костоправов.*

Эта мысль вселила в него куда больший страх, поскольку ровно в тот момент, когда он подумал о костоправах, крики в коридоре оборвались. Воцарившаяся вслед за этим тишина оказалась настолько оглушающей, что он услышал, как стучит кровь в ушах.

Первой не выдержала Давлина. Вскочив на ноги, она рванула к аквариуму.

Уже позже, неоднократно прокручивая сцену в голове, Бах думал, что она пыталась сделать.

Возможно ли, что она хотела защитить то, что они вместе пытались создать?

Или - напротив - её внезапный порыв был направлена на то, чтобы ЭТО уничтожить.

Но зачем? Чтобы не дать их совместному творению попасть в руки костоправов?

В любом случае, у Баха не было шанса спросить. Неприметный человечек перед ним неожиданно выбросил руку из-за спины. Что-то длинное со свистом метнулось в воздухе.

Энлиль едва успел втянуть голову в плечи - над ним стремительно пронёсся конец длинного хлыста. Этот хлыст ударил Давлину в левый бок, вышел из правого и, не встретив сопротивления, проложил своё движение по комнате. Все, что он встречал на своём пути необъяснимым образом СДВИГАЛОСЬ.

На излёте движения хлыст стал стремительно вытягиваться назад в руку.

Все это Бах наблюдает в замедлении. Реальность рассыпалась на кадры и сцены, став не единым целым, а чем-то напоминающим книги с картинками, которые перелистывает чья-то рука.

Вот он видит Давлину, застывшую с вытянутыми руками. До аквариума ей не хватает буквально нескольких метров. Впрочем, никто пока ещё не подозревает, что она рванулась именно к нему. Для всех это - всего лишь укрытый тканью прямоугольник.

Вот хлыст, который, как он успевает заметить, сделан из тончайших полупрозрачных ПОЗВОНКОВ с одной узкой жилой черной нервной ткани посередине, пересекает тело девушки.

В следующей сцене рот Давлины широко открыт, а её тело смещается в сторону, будто на странице воображаемой книги появился залом.

Ещё кадр - на нем некогда стройное девичье тело жутким образом преобразается. Оно распадается надвое. Неизменным остаётся лишь выражение на её лице - все тот же гнев: грозно сведённые брови, вздёрнутый нос и открытый в беззвучном крике рот.

Бах видел все это буквально мгновение, прежде чем сцена запустилась вновь, но и этого было достаточно, чтобы жуткие картины навсегда запечатлелись у него в памяти. Эта сцена и это лицо.

Никогда больше он не видел ничего подобного прекрасного, и спустя мгновение - настолько ужасного.

Все, чего касался хлыст, просто *исчезало*. Не пропадало в тот краткий миг, когда вы, скажем, моргаете на представлении иллюзиониста, а *исчезало* по-настоящему, растворившись в воздухе.

Баху пришло на ум сравнение со свечой и тем, как она оплывает на сильном огне. Только этот огонь был настолько интенсивным, что «свеча» оплывала мгновенно, не оставив после себя и следа.

Все остальное, чего коснулся хлыст незнакомца, точно также съёживалось и растворялось в воздухе: ваза, край стола и стоявший на нем кофейник, статуэтка, изображавшая женщину с подносом фруктов, старинные часы на стене, часть занавески, напольная ваза, угол дивана. Глядя на обратный ход хлыста, который вытягивался в руку незнакомцу точно так же стремительно, как и появился, Бах втянул голову - и не зря: конец хлыста просвистел в сантиметре от его макушки.

Фи-и-и-ть! С противным свистом хлыст втянулся на место. Бах же смотрел на то место, где только что стояла Давлина и видел лишь пузырящееся пятно на полу - все, что осталось от некогда живого, дышащего человека.

Незнакомец не полностью втянул хлыст в ладонь. Отросток длиной около десяти сантиметров продолжал выглядывать наружу как какой-нибудь диковинный язык. Он к тому же извивался и мелко дрожал.

Человек поднёс руку ближе, и кончик хлыста коснулся щеки Баха. Ощущение было такое, будто он соприкоснулся с колючей веткой. Покрытые прозрачной слизью позвонки оказались жёсткими и шершавыми.

Бах зажмурился. Он видел, что происходило, когда хлыст касался вещей: они просто исчезали.

Однако он не исчез и не умер. Попутешествовав по его лицу, отвратительный отросток втянулся в ладонь незнакомца.

Чуть приоткрыв глаза, Бах увидел, как кончик отростка исчезает в вертикальной щели посреди ладони. Затем без следа закрылась и щель.

Человек наклонился к Баху и заглянул ему в лицо. Испуганный до полусмерти биоинженер видел лишь глаза - узкие как у азиата, с черными радужками, покрытыми жёлтыми прожилками. Из рта незнакомца пахло чем-то химическим.

Мысли закрутились у него в голове. Образы мелькали один за другим в дьявольском хороводе: вот Давлина возникла из ничего; её тело соткалось из воздуха. Она вскочила, рванулась к креслу, но почему-то спиной вперёд. её длинные локоны взметнулись призрачным шлейфом. В следующее мгновение Бах увидел себя подступающего к двери, хотя в действительности он от двери отступал, и то, как поверженная дверь по волшебству поднимается в воздух и становится на прежнее место.

Только после этого Бах понял, что видит произошедшее задом наперёд.

Неким образом этот человек заглянул ему в душу, заставил прокрутить воспоминания в обратную сторону и теперь знал все - с того самого момента, когда он работал у аквариума...

Аквариум!

Это значило, что теперь этот чужак знает и о нем! Ответом стала ухмылка, прорезавшая лицо азиата.

- Ну, - сказал он, - вот ты и попался.

6. Игра в прятки с самим собой

Две недели назад.

Сельская местность недалеко от городской черты.

- Литературное произведение в диалогической форме с серьёзным сюжетом. Пять букв.
- ДРАМА.
- Отлично. Подходит. Вот ещё: теория заговора, которая объясняет события как результат тайных, злонамеренных действий могущественных групп или тайных обществ.
- М-м-м... Сколько букв?
- Тринадцать.
- А, вот: КОНСПИРОЛОГИЯ.
- Что ж, подходит. Давай дальше. Слушай: противопоставление и противоборство государств, групп, идейно-политических принципов...
- Кто-то идёт.
- А?
- Кто-то идёт, говорю.
- ***

По мере приближения Люциуса эти двое все старательнее напускали на себя грозный вид. От внимания гостя не ускользнуло то, что один из стражей как бы невзначай отодвинул газету с кроссвордом подальше, а второй только сейчас стал пристёгивать перевязь с мечом. Оба стражника были толстыми настолько, что возникал вопрос, как они помещаются в крохотной на вид будке.

- КОНФРОНТАЦИЯ, - сказал человек, приблизившись к сторожке.
- А?
- КОНФРОНТАЦИЯ. Противоборство государств и так далее. *Конфронтация.*

Один из стражей выступил вперёд. Специальной формы они не носили, но у обоих были перевязи с оружием, а также кожаные нагрудники. Правда шнуровка, которая располагалась по бокам, у обоих стражей была ослаблена, из-за чего части кожаного доспеха впереди и сзади тела болтались как половинки устричной раковины.

Устричной раковины? Люциус Стробель усмехнулся, подумав об этом. Ведь в таком случае сами стражи с их рыхлыми, неповоротливыми телами были не кем иным, как разжиревшими моллюсками.

- Гляди, Парамон, - сказал один из стражей, - У нас, похоже, *посетитель*.
- И он демонстративно глянул Люциусу через плечо.
- Ни коляски, ни самохода. Ни даже велоспина.

Это верно, Стробель явился пешком. По мнению здешних стражей это могло означать только одно: тот, кто передвигается на своих двоих, просто не настолько богат, чтобы позволить себе транспорт (любой). А значит, перед ними не кто-то важный. Немного осмелев, оба стража надвинулись на Люциуса. Они разглядывали его поношенный плащ, шляпу с заломами, потёртый саквояж, в котором работала лишь одна застёжка, а вторая, наполовину оторванная, болталась.

Люциус сунул руку в карман и извлёк оттуда мятую бумагу с печатью.

Если печать узнавалась сразу, то, чтобы прочитать текст и осознать его смысл, стражам понадобилось некоторое время.

- Однако, как только стражи дочитали до конца, глаза обоих полезли на лоб.
- Я позову хозяина, - сказал один.

- *Не фтоит бефпокоища*, - был ответ Люциуса.

Он шепелявил, картавил, и обоим стражам понадобилось некоторое время, чтобы понять, что он сказал «не стоит беспокоиться». Незнакомец не только выглядел как оборванец, но и страдал нарушениями речи.

- И все же есть правила.

Люциус поднял затянутую перчаткой руку.

- Уверяю вас, все улажено, - последнее звучало неразборчиво, и стражам пришлось буквально догадываться об услышанном, - Скажите, ведь здешний господин любил свой... ммм... транспорт?

Стражи переглянулись. Любому было известно, что хозяин души не чаял в своей *Анасаши* - так он называл гоночный самоход. В молодости он выиграл не один турнир благодаря скорости и сообразительности «своей малютки».

- Думаете, стоит лишний раз напоминать ему о цели моего визита? Пусть лучше он останется в тайне, ведь это может dokonать старика. А так... все ещё можно списать на... ммм... естественный процесс. Как думаете?

Оба стража молчали. Затем один махнул в сторону каретного сарая, находившегося неподалёку от дома.

- Это там.

- Покорнейше благодарю, - ответил Люциус Стробель, слегка поклонившись.

Это прозвучало как «*коконеше даю*», и стражи одновременно скривились.

Стробель направился к сараю. Оставшись одни, стражи некоторое время смотрели ему, вышагивающему через лужайку, вслед. Незнакомец в плаще заметно хромал, из-за чего его походка выглядела подсакивающей и неровной.

Один из стражей поднял со стола газету, о которой оба уже успели позабыть.

- Точно, КОНФРОНТАЦИЯ, - сказал он.

- А? Что?

- Противопоставление и противоборство государств, групп, идейно-политических принципов... Двенадцать букв. Подходит.

Второй страж пожал плечами и тяжело опустился за стол. Желание разгадывать кроссворд у него пропало.

По пути Стробель миновал дом. Это было одно из тех старых поместий, построенных ещё до Разрушения. Даже после катастрофы для его обитателей ничего не поменялось: старые деньги не боялись ни краха машинерии, ни социальных перемен. Было видно, что дом перестраивали, и не раз. Один архитектурный стиль соперничал с другим, изящные портики соседствовали с прямой линией, а резные карнизы и изысканные балюстрады внезапно обрывались, переходя в массивные зубчатые мерлоны. Дом имел три башни: две по краям и одну в середине, как бы венчавшую портик над входом. Было видно, что две боковые башни построили гораздо позже. Наблюдательный человек мог бы заметить, что более новые элементы выглядят более простыми по сравнению со старыми. Как будто с каждым годом, с каждой новой эпохой мастерство камнерезов и архитекторов падало, а не наоборот.

Каретный сарай располагался чуть в стороне от дома. Невзирая на именование («сарай»), здание выглядело не как хозяйственная постройка сугубо практического, утилитарного назначения, а как настоящий дворец. Во многом эта постройка воспроизводила дом в миниатюре: все то же смешение стилей, все те же башенки. Здешний хозяин и в самом деле души не чаял в собственном экипаже.

На Люциуса это не произвело впечатления хотя бы потому, что первым и главным правилом человека его профессии было не привязываться к вещам. Ну, мысленно поправил себя Стробель, возможно, *за исключением* саквояжа. Он видел, как стражи с отвращением смотрели на его сумку. Правда, невозможно сказать, *что именно* вселяло в них это чувство - сам саквояж, вид которого был далёк от идеального (а проще сказать, был ужасным: драная кожа, распутившиеся нитки и потемневшие от времени застёжки), - или же его содержимое, о котором стражи были прекрасно осведомлены.

Он вошёл в каретный сарай не через главные ворота, в которые по обыкновению выезжал экипаж, а посредством боковой дверцы, к счастью, оказавшейся незапертой. В этот момент Стробель отругал себя: что бы он делал, если бы оба входа оказались под замком? Возвращался бы в сторожку и просил ухмыляющихся стражей отпереть? Те типы не понравились ему с первого взгляда. С такими надо держать ухо востро, решил он. И хотя его бумага, похоже, произвела на них впечатление, было кое-то во взглядах обоих, чего он никак не смог распознать.

Вот всегда так, подумал он. Труднее всего с людьми, а не с механизмами. Трудно сказать, когда те сочувствуют искренне, когда подначивают беззлобно или когда наоборот, стараются укусить побольнее. С людьми у Стробеля отношения не складывались. Даже с коллегами, у многих из которых были те же проблемы.

Отворив дверь и войдя внутрь, Люциус оказался, вопреки ожиданиям, не в самом гараже, а в тесном предбаннике, который казался ещё теснее из-за многочисленных колб с жидкостями, установленных в стенных нишах.

Все эти колбы когда-то наполняли жидкости, необходимые для поддержания жизни биомеханизма. Теперь же их содержимое высохло, превратившись в лучшем случае в неприятную корку на стенках внутри. Почти все колбы затягивала многолетняя паутина. Самих пауков не было видно, и Стробель решил, что те давно погибли.

Украдкой коснувшись некоего шланга, свисающего над головой, он ощутил, как на пальцах остаётся шершавый каменистый осадок - верный признак того, что даже пыль в этом месте успела покрыться слоем пыли.

Из тесного предбанника с его колбами в почти человеческий рост, Стробель шагнул в более просторное помещение. Первое, что он ощутил - это запах. В нем смешались амбре разложения и едкая вонь какой-то химии. Как если бы один неприятный запах пытались перебить другим, а в итоге получили неповторимую смесь...

Стробель поискал в кармане платок, однако найдя его, развернул и тут же вернул обратно, посчитав недостаточно чистым.

Стараясь не дышать слишком глубоко, он огляделся. К счастью, света внутри хватало. Это означало, что ему не придётся работать в полумраке, на ощупь. К сожалению, это же означало и то, что он видел в мельчайших подробностях, *где* оказался.

Сказать, что это место было безрадостным, значит ничего не сказать. Первое, что бросилось в глаза - это окна. Они были мутными, засиженным мухами и напоминали стекла колб в предбаннике. Люциус и сам ощущал себя посажённым в колбу: ему вдруг почудилось, что за ним наблюдают.

Как ни странно, это место буквально повторяло сотни других таких же. Не было никакой разницы, принадлежал гараж бедному или богатому, в каждом из них Люциус Стробель находил одно и то же: поломанную мебель, старый хлам неизвестного предназначения, груды мусора. В этом вдобавок сверху свисали какие-то шланги, больше похожие на сброшенную змеиную кожу. Очевидно, раньше они предназначались для подачи смесей экипажу (невиданная роскошь), но теперь о них позабыли, как и о самом экипаже.

Стробель взялся за край материи, покрывавшей что-то объёмное в центре помещения, и потянул. Отдышавшись минуту, он продолжал своё занятие. Почему-то вся процедура живо

напоминала ему торжественное снятие покровов с монументов и одновременно - сдирание кожи.

Внезапно что-то привлекло его внимание. Продолжая тянуть, Люциус бросил взгляд вверх. Как раз в этот момент один из шлангов неожиданно сорвался и едва не хлестнул его по лицу. Стробель успел отклониться, и его лишь обдало волной смрада - неизвестно, что текло внутри шланга много лет назад, но смердело оно здорово.

Это небольшое происшествие на некоторое время замедлило его. Стробель огляделся, опасаясь новых сюрпризов, но, судя по всему, таковых не предвиделось.

Любой другой на его месте подумал бы, что произошедшее неслучайно, что оно является неким предостережением и возможно, отступил бы, - но не Люциус Стробель. Тем он и отличался от большинства своих коллег. Вопреки тому, что все они регулярно имели дело со смертью, лишь немногие (включая его самого), проработали в этой сфере больше пары лет. Люциус знал тех, кого преследовали кошмары, тех, кто испытывал терзания совести или, будучи единжды напуган до полусмерти, навсегда оставлял плащ и саквояж ликвидатора.

Неизвестно, через сколько рук прошёл его саквояж. Сумка *уже досталась* Люциусу с оторванными застёжками и глубокими царапинами, как будто кто-то задумал навсегда порвать с профессией, но начать решил с саквояжа. Стробель не стал ничего ремонтировать, а сохранил все как есть - в качестве напоминания о прошлом владельце. Кем тот был, он так и не узнал.

Зато он работал уже достаточно давно, чтобы наслушаться историй о том, откуда появилась его профессия. Оказывается, лет двести-триста назад в ходу было ремесло практиков. Они собирали кровь для кураторов, чтобы те превратили её в эссенцию памяти. И поныне склянки с эссенцией - миллионы склянок, - пылились в здании под названием Курсор. Время кураторов и практиков давно прошло, первых сменили костоправы с их биомеханизмами, а вторых - такие люди, как Стробель, но мода на длинные плащи и кожаные саквояжи осталась. Что именно это было - дань традиции или странная преемственность, никто не знал.

Наконец Люциусу удалось скинуть тяжёлую материю, и перед ним предстал экипаж.

Дела обстояли хуже, чем он думал.

Экипаж в буквальном смысле погибал. Он пока ещё сохранял все основные функции и наверняка мог передвигаться, но в остальном это был почти труп. Медленно гниющий изнутри, он и снаружи производил впечатление глубокого старца.

Люциус попытался вспомнить самые старые биомехи, что ему пришлось видеть. Среди них были и буквально древние, столетние механизмы, и даже парочка из «первых», экспериментальных. Однако все они к тому времени давно находились на консервации или пребывали в глубокой заморозке, став объектами изучения. Это были музейные экспонаты, за которыми тщательно ухаживали, стерегли и даже охраняли. Этот же экипаж знал свои лучшие дни слишком давно.

Люциус рассматривал рассыпающиеся сочленения, высохшую кожу, пожелтевшие хрящи. У самохода частично сохранялось зрение. Стробель видел, как больше затянутые плёнкой глаза слегка двинулись в сторону, когда он стянул покров. Ноги экипажа - некогда сильные и гибкие, теперь на треть вросли в землю. Опутывавшие их мышцы казались засохшими веточками какого-то древа-паразита, тянувшимися вверх по стволу захваченного им растения. Обходя экипаж кругом, Люциус отметил необычную форму, подобных которой он ещё не встречал. Видимо, биомеханизм и в самом деле был редким, выращенным на заказ.

Как сказали стражи у входа? Хозяин выиграл на нем не одну гонку? Значит, это был настоящий, гоночный экипаж?

Ралли как развлечение было не слишком популярно в Ахероне, поскольку самоходы, предназначенные для гонок, стоили дорого. Почти все они выращивались в единственном экземпляре.

Впрочем, подумал Стробель, хозяин настолько шикарного поместья вполне мог позволить себе несколько подобных экипажей. Возможно, где-то неподалёку есть другой каретный сарай, и в нем совсем другой экипаж. Не старый и больной, как этот, а вполне на ходу... Впрочем, все это были лишь фантазии... Стробель хорошо знал, что экипаж в поместье один - тот, что ему поручили в качестве сегодняшнего «задания».

Он стал обходить повозку. Нейросеть экипажа явно была повреждена. Черные узлы нервов перекрутились, набухли и во многих местах вылезли наружу. Серая пепельная кожа не могла сдерживать сетку черных узлов, в результате превратившись в россыпь клякс и тонких черт, которые сливались в некий невообразимый рисунок. Вдобавок Люциус рассмотрел пятна плесени и островки мха... Да что там, сквозь наиболее нежные части повозки - там, где биоинженеры не могли обойтись простыми выращенными костью и кожей, а использовали настоящие мышцы и сухожилия, - прямо сквозь плоть проросли стебли каких-то растений. Были их семена принесены ветром и прижились в живых тканях и проросли из пола сарая, было не так важно. Сам по себе факт, что экипаж оказался запущен до своего нынешнего состояния, красноречиво говорил о его хозяине.

Люциус поставил свой саквояж на грязный стол у стены. Откинул застёжки и раздвинул створки в обрамлении давно позеленевшей меди. Когда-то она наверняка сверкала, и в распаханном виде саквояж напоминал рот рыбы, тянущейся к поверхности воды за хлебными крошками.

Для кого-то саквояж Люциуса был обычной медицинской сумкой. Но для самого Стробеля это был целый мир со своими законами и опасностями. Он мог бы с закрытыми глазами перечислить все пузырьки с их содержимым; мог бы по одному прикосновению определить размер иглы или назвать каждый из двадцати трех ножей - больших и малых - пригодных как для рубки хрящей и позвонков, так и для того, чтобы делать мельчайшие операции. Возможно, другой на его месте гордился бы этими знаниями. Но не Люциус. Кому как ни ему было известно, что настоящее мастерство - не в том, чтобы знать, как называется тот или иной нож, а в умении использовать инструмент по назначению.

Запустив руку в саквояж, Стробель выбрал пузырёк с пузырящейся жидкостью. Затем оттуда же извлёк шприц. Он по-прежнему ощущал, как экипаж наблюдает за ним. Последнее его несколько не смущало. Однако обернувшись, он обнаружил позади не только самоход.

Позади Стробеля стоял крохотный старичок, который почему-то показался ему смутно знакомым. Наверняка это был здешний хозяин. В голове Люциуса промелькнули вопросы: зачем он явился? Как не допустить истерики? И последний: как выпроводить его прочь? Однако для ответов не нашлось времени: старик с неожиданной прытью воздел в воздух руку с чем-то продолговатым и обрушил предмет Стробелю на голову.

7. Голова в банке

Дарваз проснулся с ужасной головной болью.

Разве он вчера пил? Разве у него есть деньги на то, чтобы купить алкоголь?

Скорее всего кто-то просто огрел его по голове и оставил валяться в грязи на мостовой.

Но такой вариант тоже не подходил, поскольку Затычка ощущал боль не в какой-то конкретной точке, а сразу во всей голове. Да что там голова - боль растекалась ниже и постепенно охватывала все его тело.

Кроме этого, Дарваз ощущал ещё кое-что: чьё-то зловонное дыхание на своём лице, а ещё мягкую влажную тряпку, которой кто-то охаживал его горящие щеки. Все это сопровождалось чавкающими звуками и непрекращающимся кряхтением.

Наконец он рискнул разлепить один глаз... И почти сразу был ослеплён. Ему в лицо ударил яркий солнечный свет. Однако в этот краткий миг Дарваз успел рассмотреть огромное волосатое нечто прямо перед собой. Это и был источник зловония, чавкающих звуков и, что самое противное, - липкой влаги на его лице.

Бродячий пёс слизывал остатки ангельской крови у него со щеки и со лба.

- А ну пошёл прочь!

Философ с отвращением оттолкнул пса, который тут же поспешил убраться подальше. Видимо, глупая псина считала его мёртвым и рассчитывала на поживу.

В этот момент Дарваз осознал, что пёс, судя по всему, появился здесь довольно давно. Об этом свидетельствовало обилие слюны на его одежде и руках. Вытереть покрытые липкой жижей ладони об одежду (не менее липкую), было невозможно.

Затычка попытался встать.

Не было нужды в зеркале, чтобы оценить масштаб трагедии: его и без того ветхая одежда насквозь пропиталась кровью. Вдобавок к ней прилипли перья ангела - вернее, их клочки. Сила взрыва была такой, что бедного крылатого буквально разметало в стороны. Все, что некогда было говорящим, думающим существом, в один миг превратилось в облако кровавого пара, в центре которого кружился вихрь из перьев.

Пытаясь встать, Дарваз перевернулся на бок и сплюнул собравшуюся во рту горькую слюну. Она тоже была красной. Под языком и в горле застряли комки перьев.

Вот же мерзость!

Перед ним был грязный переулок, заканчивающийся тупиком. Он не помнил, как попал сюда. Все, абсолютно все, что произошло после того, как ангел заговорил чужим голосом, стёрлось у него из памяти.

Но раз он оказался здесь... Значит, по всей видимости, пришёл на своих двоих.

К несчастью, Дарваз слабо представлял себе, что именно это за переулок. Вокруг не было ничего такого, за что можно было «ухватиться» взглядом. Грязные стены, мусор, старые разбитые деревянные ящики, похожие на тару из-под спиртного - все это можно было увидеть в абсолютно любой подворотне.

Внезапно взгляд Затычки упёрся в надпись на стене, сделанную краской: «МОЧИ КРЫЛАТЫХ». И ниже: «УБИЛ ЛЕТУНА - СПАС ДЕСЯТЬ НОРМАЛОВ» и «ОРГАНИКА ПРАВИТ».

«Нормалами» именовали таких как он, обычных людей. Были ещё ангелы - их называли «летунами» или «крылатыми». Впрочем, к ангелам, без проса переселившимся с небес, отношение было далеко не лучшим. Дарваз жил на этом свете слишком давно, чтобы заметить, как год от года крылатых начинают ненавидеть все сильнее. Если два столетие назад их предков

- лишённых крыльев переселенцев с небес жалели, то теперешних ангелов с каждым годом ненавидели все сильнее.

- Раньше, - кричал Дарваз, с трудом отлепляя собственное тело покрытой кровавой коркой лужи, - Было лучше.

И тут же рухнул обратно, впад в беспамятство.

Открыв глаза в незнакомом месте второй раз за день, Дарваз пришёл к выводу, что его проклинали, иначе как одна неудача могла притягивать другую?

Пред его мысленным взором замелькали недавние сцены: разлетающийся на фрагменты ангел, грязный переулок, жутковатые и вызывающие надпись на стенах... К счастью, всего этого здесь не было... Или он пока этого не видел. А то, что он видел и чувствовал - это белый потолок над собой и хорошо узнаваемый запах больницы.

Он оказался в химической лаборатории, а может, в кабинете врача. Повсюду на полках были расставлены склянки с непонятным содержимым, в центре располагался перегонный аппарат и какие-то трубки, уходящие в потолок. Справа в стене находилось большое окно, которое сейчас было распахнуто, и снаружи через него проникали привычные звуки улицы.

- Вот и славно, вот и славно. Я уж думал, вы решили остаться в луже ангельских ошмётков там, на улице.

Голос доносился сверху и звучал глухо как из трубы.

Затычка поднял взгляд. Прямо над его головой стояла стеклянная банка. Она была большая, цилиндрическая, наполненная мутноватой, желтовато-прозрачной жидкостью. Внутри этой жидкости плавала человеческая голова.

Это была голова мужчины средних лет, с аккуратными седыми усами и застывшим выражением вечного, слегка надменного удивления. Глаза головы были открыты и смотрели прямо на Дарваза, хотя их взгляд был мёртвым и стеклянным.

- Не смотрите на меня так, как будто я ваш испорченный завтрак, - произнесла голова, и её губы, конечно, не шевельнулись. Звук исходил из динамиков. - Это всего лишь средство связи. Тебе стоит благодарить меня за то, что ты вообще жив. И, кажется, даже почти цел.

Дарваз почувствовал, как желудок скрутило спазмом.

Голова в банке чуть заметно наклонилась (или это ему просто показалось).

- Ну же, господин Поступикулли, - сказала голова, - Где ваши манеры?

Дарваз был так шокирован увиденным, что не сразу понял, что голова назвала его по имени. Этот факт он осознал некоторое время спустя и мгновенно вспомнил, что злосчастный ангел, прежде чем разлететься на кусочки, также называл его полным именем.

- А! Вы пришли в себя! Весьма кстати!

Если в тот момент что-то или кто-то были способны напугать его больше, чем ампутированная голова в рассоле, то это неожиданное появление человека в медицинском халате со сверкающим инструментом в руках.

И этот человек стремительно приближался.

Дарваз поздно сообразил, что лежит на кушетке в паре локтей от пола. Он уже давно не спал на настоящей кровати. Дёрнувшись всем телом, он едва не грохнулся на пол, однако сильная рука человека в халате подхватила его и вернула в первоначальное положение.

«Рука», а не «руки», поскольку вторую руку с зажатыми в ней ножницами этот тип все ещё держал перед собой.

Сталь сверкала жутким, смертельным блеском.

Затычка зажмурился, готовый к чему угодно, однако того, что случилось после, он не ожидал.

Незнакомец со сверкающими ножницами просто обрезал завязки бинта, опоясывающего его лоб.

- А чего вы ожидали? Что я пережру вам горло?

Дарваз открыл глаза. Человек с ножницами улыбался. В его руке был бинт со следами крови.

Философ ощупал собственный лоб и не обнаружив там ни малейших признаков раны, с удивлением воззрился на человека в докторском халате. На плавающую в банке голову он предпочитал не смотреть.

- Мы... гм... с коллегой вначале подумали, что у вас рана. И - вот, наложили повязку. Оказалось, мы ошиблись. Странно, правда? Два дипломированных врача, к тому же профессора, и не смогли распознать элементарную ссадину.

Затычка пробурчал что-то малопонятное.

- Что вы говорите? - Человек с хирургическими ножницами наклонился к Дарвазу. От незнакомца пахло чем-то приятным - каким-то парфюмом, и одновременно от его одежды исходил странный, ни на что не похожий запах. Химии, растворителя...

Все ещё думая о формалине и о его свойстве сохранять мёртвые ткани, Дарваз спросил:

- Эта голова может видеть?

- Как это?

- Вы сказали «мы с коллегой не смогли распознать». Это значит, что та голова в банке не только разговаривает, но и видит?

Раздался хриплый кашель, который лишь с большой натяжкой можно было назвать деликатным. Похоже, голова в банке не собиралась терпеть, когда о ней говорили в третье лице.

- Вообще-то, - донеслось из динамика, - Можно обращаться ко мне напрямую.

Затычка только помотал головой, садясь на кушетке. Он уже начал догадываться, где оказался и кто эти люди.

Неизвестно на что рассчитывали костоправы, послав ангела на смерть. Взрыв был не настолько мощным, чтобы серьёзно ему навредить.

Стоп. Ведь он приходил в себя на улице.

Затычка вспомнил смердящего пса и надписи на стенах... Видимо после этого он опять отключился.

- Мне надо идти, - сказал Дарваз, ставя ноги на пол.

Однако, он переоценил свои силы, поскольку внезапно нахлынувшее головокружение заставило его покачнуться и в буквальном смысле снова уложило на кровать.

Что со мной, пытался сказать он, но вместо слов рот наполнился вязкой слюной, которая потекла по щеке, заливая подушку.

Человек в докторском халате нахмурился.

Голова что-то сказала.

А затем наступила чернота.

8. И Ад тебя примет

И вновь ему снились неведимые огни, дым костров и непроглядная, глинистая тьма, в которой было легко затеряться. В каждом предыдущем сне он слышал крики о помощи, стоны и голоса, взывавшие к нему из глубоких колодезев, однако теперь вокруг царил тишина.

Понемногу его глаза привыкли к темноте, и он смог разглядеть впереди некие фигуры. Они дрожали, то сливаясь друг с другом, то вновь разъединяясь, их движения напоминали ленивый перекал волн. И, как у волн, у них не было формы.

Цепеня, Дарваз вглядывался в это новое нечто, гадая, как скоро тёмный прибой достигнет его самого. Вместе с тем он чувствовал, как наружу из грудной клетки рвутся слова. Как будто с однажды втянутым ядовитым воздухом в его груди поселился другой человек. Незнакомец, который теперь подчинил его волю и разговаривал его губами.

- Сны нам не принадлежат, - произнёс он медленно холодеющими устами, - Можем ли мы сказать, что являемся хозяевами в своих собственных сновидениях?..

Дарваз проснулся, вскинувшись от мучившего его кошмара.

Мир вокруг был погружен в полумрак.

Поначалу он подумал, что не проснулся на самом деле, а всего лишь шагнул из одного сна в другой. Мысль была дикой, фантастической, но не настолько, как могло показаться. В конце концов разве он только что не чувствовал, как его губами говорил кто-то другой?

Сны об огне и дыме беспокоили Дарваза и раньше, то сегодняшнее видение было иным. Новым, и куда более жутким.

Почему-то ему вспомнился эпизод из детства, когда родители взяли его на первую (и последнюю) в жизни театральную постановку. Поначалу наблюдать за игрой актёров было интересно и даже весело, однако затем, в середине первого акта, пьеса неожиданно превратилась в игру со зрителями.

Ах, как это необычно - втянуть в свою игру обывателей из зала!

Многим это понравилось. Но не Дарвазу. Он вжался в кресло, стараясь стать как можно более незаметным, и с ужасом смотрел, как актёры обходят ряды зрительного зала, выдёргивая то одного, то другого зрителя. Их поспешно переодевали, нахлобучивали на голову парик и вручали листок с репликами. От одной мысли, что ему придётся выступать, у Дарваза подступала к горлу тошнота. Наверное, так чувствует себя приговорённый к смерти. Между тем актёры, шедшие между рядов в поисках жертвы, продвигались все ближе. Дарваз уже представлял себе, как его выдёргивают с места и заставляют произносить глупости...

Наверное, он был слишком увлечён собственными страхами, поскольку не сразу понял, что слышит крики. А может, и не было никаких криков, и все произошло настолько неожиданно, что кричать ни у кого из присутствующих просто не было возможности... Когда Дарваз открыл глаза (а он крепко зажмурился, ожидая неминуемого), театр пылал.

Очевидно, пожар начался где-то на верхних ярусах, поскольку балкон и перекрытия крыши ярко горели, и вниз с них сыпались искры. Пожар пока не достиг зрительских мест, но одного вида пламени хватило, чтобы началась паника. Повинуясь единому порыву, люди как один ринулись к выходу. В том числе и родители Дарваза.

В будущем он часто размышлял: что на самом деле произошло? Почему его бросили там, среди дыма и мечущихся в панике людей? Думал - и не находил ответа.

Насколько стало известно позже, один из людей упал, и его мгновенно затоптали. Это создало затор, который очень быстро вырос до невероятных масштабов. Теперь напирающая сзади толпа подминала под себя тех, кто был впереди. Люди кричали, молили о помощи.

У выхода образовался завал из тел, поэтому открыть двери стало невозможно. А сверху сыпались уже не искры, а куски горящих перекрытий...

Как и тогда, в театре, Дарваз ощущал смесь растерянности и страха.

Один. Один в темноте...

Осмотревшись, он выяснил, что по-прежнему находится в том странном помещении, где пришёл в себя второй раз. В больнице? В лаборатории? Он и представить себе не мог, что в подобных местах может быть темно. Лаборатории любых видов ассоциировались у него с чистотой, белизной и - главное, - ярким светом. На мгновение Дарваз испугался, что его приняли за мёртвого и отправили в морг или куда похуже.

Он лежал на кушетке, которая ощущалась на удивление удобно. Вообще, все здесь казалось довольно гостеприимным, даже домашним - начиная с мягкого света уличных фонарей, падающего сквозь окно и заканчивая тенями, движущимися по потолку высоко над головой. Когда вот так он в последний раз смотрел на потолок? Когда вообще спал в настоящей постели? И вновь нахлынули воспоминания, только сейчас к чувству горечи примешивалась лёгкая нотка грусти. Что ж, одна ночь в тепле на настоящей кровати ему не повредит.

Дарваз приподнялся на кушетке, чтобы лучше разглядеть помещение. Это и в самом деле была лаборатория. Кругом находились склянки с химическими ингредиентами, растворами и прочим, а в центре помещался большой стол с многочисленными аппаратами, снабжёнными стеклянными трубками и множеством металлических деталей. Сейчас все это тонуло во мраке. Лишь скудные отблески света отражались от стекла и стали там и тут, создавая ощущение лабиринта.

- А, проснулись!

Дарваз повертел головой, отыскивая источник шума, и обнаружил склянку с головой, стоящую высоко на полках у соседней стены.

Не иначе, предмет интерьера, пришло ему на ум. Банка действительно стояла между двумя декоративными статуэтками. Сейчас их формы терялись во мраке, однако Затычка догадывался, что это некие декоративные украшения, настолько же бесполезные, насколько неуместные среди строгости медицинской лаборатории. Не для того ли их поставили, чтобы разбавить общий мрачный тон?

Дарваз хохотнул. Смешок вышел совсем не весёлым, скорее похожим на хмыканье, однако голова в банке мгновенно отреагировала:

- Что смешного, - спросили из репродуктора.

Интонации были скорее констатирующие, чем вопросительные, наверняка потому, что за годы отсутствия практики «Голова» утратила умение правильно подбирать тон.

По правде сказать, больше она не пугала, эта голова в банке. Не чувствовал Дарваз и сочувствия. В мире, где почти все механизмы состоят из костей, плоти и кожи, отделённая от тела человеческая голова в формалине не должна кого-то смущать.

Даже если она говорящая.

Дарваз подумал о том, что уже начал привыкать к этому кряхтению. Интересно, насколько голос соответствовал тому, что был у тела при жизни?

- Вам не кажется это забавным? Я здесь, под охраной головы без тела. Или ваш хозяин уверен в твоём умении заговаривать зубы настолько, что готов оставить меня на попечении кого-то, у кого нет ни рук, ни ног?

- Попросту говоря «обрубка», так? И он мне не хозяин.

Дарваз пожал плечами. Затем, догадавшись, что в темноте его движение было незаметно (если голова вообще могла видеть), сказал:

- Что станете делать, если я захочу уйти? Погонитесь за мной? Или вы умеете парить в воздухе подобно ветрокрылу?

На мгновение Дарваз представил себе рой таких голов, которые парят в воздухе как птицы. На самом деле все это было не так далеко от реальности, ведь костоправы могли сделать все что угодно с любой плотью. Возможно, такие головы смогли бы доставлять послания, работать курьерами и даже выполнять работы на высоте.

- Вас никто здесь не держит, если что, - огрызнулась голова.

- Значит, я волен уйти?

- Когда угодно. Мы не какие-то тюремщики.

- Странно слышать такое от того, кто работает на костоправов.

Голова в банке вздохнула. Или Дарвазу это только показалось? Конечно, у его собеседника не было ни лёгких, ни горла. Можно ли не имея органов дыхания подражать звуку вдоха?

- Ложитесь и укройтесь, - внезапно прошептала голова.

- Что?

- Просто ложитесь. Одеяло на голову!

Дарваз подчинился. Откинувшись на кушетку, он натянул тонкое одеяло до самой макушки, оставив лишь небольшую щель. Через неё было прекрасно видно окно и то, что за ним.

Наблюдать за ночным городом с такого ракурса было не совсем удобно, но он видел край тёмного неба и огни высотных зданий вдалеке.

Дарваз уже хотел спросить, что происходит и не был ли приказ лечь и укрыться очередной шуткой, как друг окно озарилось чуть слабым светом. Затем с обратной стороны стекла показался ветрокрыл размером с некрупную птицу. Его винты, состоящие из плоских костей и хрящей, беззвучно вращались.

Включилась лампа. Это было что-то вроде прожектора, испускающего узконаправленный луч. Луч двинулся по помещению лаборатории. Свет скользил по склянкам и реторам, высветил металлические трубки перегонного аппарата, на секунду замер на чернеющей одиноким темным пятном вентиляционной решётке.

Все это время ветрокрыл неподвижно висел за окном.

Луч двинулся дальше. Скользнул по полкам, не задерживаясь, миновал голову в банке, которая выглядела совершенно обычно - насколько может выглядеть заспиртованная в формалине часть тела.

Наконец луч прошёлся по кушетке и одеялу, под которым прятался Дарваз. В последнюю минуту Затычка прикрыл слишком широкую щель, оставив крохотное отверстие. Он видел, как луч света пересёк комнату раз, другой. Все это время ветрокрыл висел в воздухе. Со всего места Дарваз мог различить переплетения нервных волокон там, где они образовывали центр управления, а также более широкие костяные наросты, переходящие в тончайшие лопасти.

Луч света в последний раз скользнул по склянкам, полкам и одеялу, а затем ветрокрыл так же беззвучно отдалился от окна и исчез в темноте.

Все это напоминало инспекцию с целью найти что-то... Или кого-то. Уж не Дарваза ли? Сначала происшествие с ангелом, теперь вот это... Дарваз настолько задумался о всех окружающих странностях, что едва не пропустил ещё одну, едва ли не самую крупную: *как голова в банке узнала о приближении ветрокрыла?*

И вновь его посетила страшная догадка: неужели все это было подстроено? Тогда зачем, спрашивается, было прятать его от ветрокрыла?

Летуну достаточно было лишь зафиксировать присутствие Затычки, а спустя секунду дверь лаборатории штурмовали бы капторы в полном боевом облачении...

В этот момент дверь в помещение действительно распахнулась, и Дарваз, который успел сесть на кушетке, в буквальном смысле подпрыгнул.

В помещение ворвался тот человек, которого он встретил здесь днём. Его волосы были растрёпаны, рубашка наброшена прямиком на голое тело. В каком-то полузабытии Дарваз отметил тот факт, что верхняя пуговица на ней болтается на одинокой нитке, а её соседка и вовсе отсутствует. Было сложно поверить, что происшествие с пуговицами случилось когда-то раньше, ведь никто не стал бы надевать такую рубашку. Сие значило, что этот человек лишился пуговиц только что. Видимо, собираться ему пришлось в спешке.

- О! - глаза Дарваза округлились, - Вы ночуете... здесь?

- В этом ничего такого, - проскрежетала Голова, - Иногда для наших исследований необходимо круглосуточное присутствие. Проще спать в здании, в незанятом помещении внизу, чем ехать через весь город...

- Тебе легко говорить, - ответил человек, - Ты-то не спишь.

И вновь голова издала что-то вроде смешка.

Дарваз встал с кушетки.

- Ну вот что, - сказал, он, - Спасибо, конечно, за гостеприимство, но кажется, мне пора. Тем более, кхм... вроде бы я относительно здоров для того, чтобы валяться без дела.

- Об этом я и хотел поговорить, - неожиданно сказал человек в рубашке, - Похоже, у нас гости. И они явились за вами.

9. Змея, притворившаяся верёвкой

Долгое время Амбротов не мог уснуть. Надо было ехать домой, подумал он. Впрочем, для этого уже было слишком поздно. От одной мысли о том, чтобы выйти в тёмную ночь, искать подходящий самоход и двадцать-тридцать минут трястись в нем по пути на другой конец города, ему становилось неуютно. Нет уж, лучше без сна, но здесь, в тепле. К тому же не было никаких гарантий, что дома он сможет уснуть.

Вот уже месяц или около того его преследовала бессонница, а если сомкнуть глаз все же удавалось, ему снились кошмары: какие-то чудовищно уродливые лица, заледеневшие стены, составленные из угловатых блоков и тёмные небеса, в которые он без конца падал. Это было странно. До наступления сорокалетия ему никогда не снились кошмары, однако теперь он видел их постоянно. Почти каждую ночь он просыпался в холодном поту, вздрагивая, будто продолжал убежать от своих призрачных преследователей.

Может, он заболел и сам не знал об этом? Как врач, Амбротов знал о болезнях достаточно, чтобы научиться опасаться любых подозрительных симптомов. К бессоннице примешивалось чувство необъяснимой тревоги. Было ли оно следствием отсутствия сна или наоборот, его причиной?

В нашей жизни вообще мало вещей, в которых можно быть уверенным. И одна из них - смерть.

Так говорил его отец, тоже врач. Работа привела его к костоправам, но он не задержался у них надолго. Может поэтому собственный путь Амбротова-младшего к ним был настолько сложным?

В лаборатории не было и не могло быть настоящей кровати, поэтому он пользовался раскладушкой. Она стояла у окна, поскольку это бы единственный уголок, где нашлось достаточно места. Как и все окна в здании, это не имело штор, и свет с улицы свободно проникал сквозь немного пыльные стекла, расплзаясь по потолку желтоватыми блеклыми пятнами. Они напоминали очаги болезни на бледной коже. Часто, глядя вверх, Амбротов представлял себе, что лежит под гигантским пологом из органики, ещё не до конца преобразованной в вещи и механизмы. Это могла быть кожа, кости, снежно-белые хрящи. Позже, будучи соединёнными вместе, они станут веерокрылыми или велописнами, или сотней других, ещё более хитроумных устройств, но пока это были лишь составные части - безликие и бездушные.

Собственно, это и было то, чем они здесь занимались, и работа с плотью и кожей не казалась Амбротову чем-то отвратительным. Да что там, его напарником была *живая голова!* Так что мысль о покрытой пигментными пятнами коже над головой в качестве потолка даже... успокаивала.

Рядом с раскладушкой стоял стул с накинутыми на него вещами - рубашкой и брюками. В полумраке он казался карликом, забывшим у ложа, будто немой часовой.

Интересно, размышлял он, сколько вот так человек может лежать без сна, пока усталость не возьмёт своё? Сколько человек способен вообще обходиться без сна? Не больше недели. Конечно, он не бодрствовал *всю ночь*. Он знал, что под утро сон наконец придёт, и его сморит тяжёлая, душная усталость. После такого «отдыха» было ещё тяжелее, и он шёл в лабораторию с налитыми кровью глазами, тяжёлыми веками и больной головой.

Лаборатория. Первое время он хотел установить раскладушку там. Однако вид мёртвой головы в банке, а также других частей тела, рассортированных по ёмкостям разного размера, почему-то тревожил его. Особенно после того, как Голова несколько раз принималась бормотать что-то прямо посреди ночи. В первую ночь Амбротов буквально вскочил, объятый ужасом и ему понадобилось время, чтобы понять, ЧТО он на самом деле слышит.

Вспоминать об этом было жутко, но куда более страшной была постоянная мысль, что это может *повториться*. Поэтому Амбротов без сожалений ушёл на нижний этаж. Здесь тоже была своеобразная лаборатория, но ею почти не пользовались. Сейчас почти весь нижний этаж был отведён под склад. Мебель, а также медицинские приспособления здесь лежали в коробках. Они были выстроены вдоль стен. Амбротов представлял себе, что дрейфует в океане среди глыб льда, настолько эти коробки были похожи на гигантские айсберги.

Окончательно осознав, что сон не идёт к нему, Амбротов встал с раскладушки (при этом она отвратительно закрипела) и прогулялся по помещению. Он хотел подойти к окну, но передумал, вспомнив увиденное накануне - когда ангел буквально взорвался у него на глазах.

До этого дня Амбротов и не подозревал, что такое возможно. Кто-то явно задумал убить несчастного и не пожалел для этих целей ничего. Ведь ангел был самым настоящим, живым существом. Кто-то переделал его, изменил, создав ходячую оболочку для бомбы. И этим «кем-то» без сомнения, были костоправы.

Впрочем, подумал Амбротов, без таких, как он сам и его напарник, даже таким гениям, как костоправы не соорудить ничего подобного. Того ангела явно сделал биомеханик, возможно, вырастил специально, как они с Головой выращивают клетки, ткани и отдельные органы, а затем придал вид полноценного, живого существа. И все для того, чтобы предполагаемая жертва до последнего момента не подозревала об уготованной ей участи.

Подобное было как раз в стиле костоправов. Также вполне возможно, попыткой помочь этому человеку Амбротов вторгся в планы работодателей. Он лишь надеялся, что не настроил тем самым их против себя. Ведь не мог он, в самом деле, бросить того человека на улице...

Только сейчас он понял, что был единственным, кто вообще обратил внимание на происходящее. Другие прохожие просто шли мимо. Неужели скрытность и пренебрежение были заложены в характере ахеронцев? Амбротов не знал. Все, что ему было известно - это то, что рано или поздно он должен будет выставить безымянного гостя - пока сюда не явились капторы.

Пожалуй, сие стоило сделать ещё до утреннего кофе.

Подумав о кофе, Амбротов решил заварить чашку напитка и выпить её прямо сейчас, раз уж ему все равно не спится. К тому же учёные будто бы утверждали, что в отдельных случаях кофе не будоражит, а наоборот, помогает сну. Он и сам был учёным, но затруднялся сказать, какие именно «светлые умы» давали подобные рекомендации.

Амбротов прогулялся вдоль стены, где стояли коробки. Возможно, в них находились образцы исследований для отправки костоправам, но сказать по какой причине они застряли здесь и почему так надолго, Амбротов не мог. Наверняка о них просто забыли, а затем забыли о тех, кто должен был помнить... и так далее. Костоправы ни с кем не общались напрямую, всегда взаимодействуя через своих посредников и редко когда цепочка таких связей состояла из одного-двух звеньев.

Амбротов в который раз пообещал себе проверить содержимое коробок утром, но понял, что обещание так и останется всего лишь словами.

На одной из коробок стоял маленький поднос, чашка и кофейник. Наливая кофе в покрытую старыми разводами чашку, он неожиданно услышал некий звук.

Не то, чтобы до этого в лаборатории царил абсолютная тишина.

Снаружи постоянно доносились какие-то звуки. Но в том-то и дело, что все они были хорошо узнаваемы. Некоторые он даже *ожидая* услышать, будучи уверенным, что те или иные из них придут в определённое время: звуки малых и крупных самоходов, гудки громыхал, мелодичная трель велоспинов. Все это сливалось в причудливую и необычную симфонию, будто бы написанную одним из тех древних композиторов, которых тогда считали «новаторскими». Они использовали механизмы и инструменты из металла и рога; сейчас бы на их месте были бы плоть, кости, ногти, хрящи.

Однако этот звук отличался от других. Больше всего он напоминал шорох или тихое царапанье... Так, будто провели металлической щёткой по бетонной стене.

Амбротов прислушался, однако звук не повторился.

Странно. Может, снаружи начался дождь и это его капли барабанят о металл карниза? Впрочем, на дождь это было мало похоже. Не могла это быть и случайная птица - птиц в Ахероне не видели очень давно.

Возможно, один из ветрокрылов сбился с курса и пролетел слишком близко к окну? Иногда старые, отслужившие своё модели, попадали в неприятности, врезаясь в стены зданий и даже в людей. Подобное случалось крайне редко, но все же случалось.

Стоило проверить. С чашкой в руке, Амбротов проследовал к окну. Он и сам не мог сказать, что его насторожило в этом звуке. Может, он был *слишком* необычным? Или просто глубокая ночь - не время для подозрительных шумов?

Окна первого этажа были узкими и высокими. Они располагались парами по двое через равные промежутки. Амбротов всегда подозревал, что изначально они задумывались так, чтобы в них помещались витражи, однако теперь вместо россыпи цветного стекла в оконных рамах находились обычные стекла.

На какой-то миг, оказавшись у самого стекла, Амбротов ощутил... даже не тревогу, а самый настоящий страх. В этот момент странный звук снаружи повторился.

Что это было? Случайный шорох? Или кто-то действительно скрёб по бетонной стене?

Он оставил кружку в сторону, с неудовольствием отметив, что постаментом для неё стал ещё один ряд ящиков. По всей видимости эти ящики стояли здесь слишком давно, некоторые из них просели под собственной тяжестью, другие покрылись слоем пыли... Амбротову пришлось протискиваться в небольшой проем между ними, а затем становиться на носки, перегнувшись через верхние ящики, чтобы выглянуть в окно.

На первый взгляд за ним все было как обычно. Все тот же двор, лужайка и дорожка, ведущая ко входу в здание. В скудном свете фонарей тени от предметов казались размытыми, вытянутыми, будто между Амбротовом и внешним миром было не одно, а десяток стёкол, и каждое искажало перспективу.

И ни следа чего-то, что могло бы быть источником странного звука.

А затем Амбротов неожиданно увидел, как одна из теней внизу под окнами переместилась.

В детстве Амбротов любил спрятаться под одеялом с фонариком в руках и читать книгу. Не то, чтобы он *вынужден* был это делать. Отец, хоть и не одобрял увлечения сына приключенческими книгами, да и художественной литературой в целом, не запрещал ни того ни другого, полагая, что интерес этот пройдёт, как только сын повзрослеет.

Самому же мальчику идея иметь своё убежище казалась естественной. Такой же естественной, как желание убежать от реального мира, где были школа и родители, серость будней и непредсказуемость будущего.

Выражаясь фигурально, тот маленький фонарь, позволявший видеть под одеялом текст, стал его проводником в совсем другой мир. Мальчик представлял себя одним из героев книг. Вместе с другими персонажами он преодолевал пески пустыни, парил в облаках среди летающих городов и спускался в самые глубокие впадины на дне океана. И все это время крохотный фонарик был ему надёжным спутником.

Его отец всю свою жизнь отходил ко сну сразу после заката, а вставал с первыми лучами солнца. Амбротов-старший был экономным до скупости и считал излишеством тратить деньги на электричество без особой на то надобности. Кроме их с отцом никого в доме не было. Слуг

они не нанимали, поскольку и это считалось слишком расточительным, а мать... Она бросила их давним-давно. Уехала в другой город с мужчиной, с которым до этого работала. Она изредка писала, но в тех письмах речь шла лишь о её новой жизни - и ни слова о том, скучает ли она по своей прошлой семье и как скоро планирует вернуться. Не было даже обычных вопросов об учёбе и успеваемости.

Иногда мальчик воображал, что его мать похитили и держат в заточении, предоставляя минимальную свободу - только для того, чтобы черкнуть пару строк. Возможно, она писала чаще - только вот те похитители доставляли не все письма, а некоторые и вовсе вымарывали или отправляли только малую часть: столько, сколько нужно было для поддержания у пленницы иллюзии свободы.

Разумеется, он знал, что все это - не более чем фантазия. Мать бросила их и теперь жила совсем другой жизнью. Порой лишь книги позволяли ему отвлечься от этих мыслей. Но и они оказались не всеильны.

Однажды вечером, когда на улице стало совсем темно, а в доме горел только фонарь, и тот - лишь под одеялом у юного Амбродова, в их дом забрался грабитель.

Это был отчаявшийся человек, стремящийся к лёгкой наживе. В их доме, в отличие от других жилищ по соседству, не горел свет, и грабитель решил, что хозяев в доме нет.

Он пролез через окно кухни; некоторое время хозяйничал там в поисках еды и алкоголя, а затем переместился в жилые комнаты. Отец уже спал и не мог слышать, как кто-то буквально переворачивает дом. Сначала кухня, затем гостиная, где вор задержался в поисках ценных вещей...

Которых в их доме не было.

Уезжая, мать забрала с собой все украшения, а те немногие деньги, что у них водились, Амбродов-старший носил с собой в кошельке. Сейчас кошелек был в отцовской спальне, лежал на ночном столике. Единственное чем вор мог бы поживиться - это несколько довольно дорогих книг по медицине и отцовский чемоданчик с врачебными принадлежностями, оставленный в прихожей.

Когда мальчик спустился вниз, сжимая в дрожащей руке фонарь, этот человек как раз заканчивал выворачивать содержимое саквояжа, перебирая бесхитростные в общем-то стальные инструменты: глупец думал, что среди них могут быть изделия из серебра. Он так грохотал железом, что должен был разбудить отца... Но почему-то не разбудил. Мальчик ещё много лет потом вспоминал, как подумал, что отца может уже не быть в живых. Что этот человек убил его прежде, чем начать обшаривать дом. Это мысль обрушилась на него с пугающей силой.

Мог бы он повернуться и бежать?

Мог бы сопротивляться?

На мгновение между ними установился зрительный контакт: напуганный ребёнок с фонарём в руках и опешивший от неожиданности преступник с зажатым в кулаке скальпелем.

Даже если у него не было с собой другого оружия, этот скальпель вполне мог им стать. Несколько мгновений оторопевший Амбродов смотрел на его сверкающее лезвие, осознавая, насколько острым оно было: свои инструменты отец всегда держал в порядке.

Да что скальпель! Этот грабитель мог убить его голыми руками.

Мальчик понял, что прийти сюда было ошибкой. Он так и замер с фонарём в руке, каждое мгновение ожидая, что грабитель ринется в атаку...

Однако место этого тот неожиданно отшвырнул скальпель и бросился бежать *сам*. Он скрылся на кухне, а мгновение спустя хлопнула дверь черного хода.

Мальчик двинулся следом, каждую минуту ожидая, что «бегство» было лишь уловкой и грабитель окажется за дверью.

Однако незнакомец действительно бежал.

Мальчик подошёл к двери черного хода и запер её на ключ. После этого вернулся в гостиную, собрал разбросанные медицинские инструменты и аккуратно сложил в саквояж.

По пути в спальню он заглянул в комнату к отцу. Тот спал как ни в чем не бывало. После этого юный Амбротов вернулся в постель. Фонарь отправился под кровать, а сам мальчик вопреки ожиданиям уснул мгновенно и проспал до самого утра, едва не опоздав в школу, чем очень раздосадовал отца.

Амбротов-старший так и не узнал о произошедшем. Впоследствии мальчик и сам забыл обо всем, что случилось с той ночью.

До момента, пока в похожую ночь много лет спустя, не услышал доносящиеся снаружи подозрительный шум.

Тень материализовалась в фигуру человека в боевом облачении. Амбротов видел силовую жилет, шлем, органический автомат. Вне всяких сомнений последний являлся творением биоинженеров и стрелял бесшумно, выплёвывая особенные пули, которые проникали в тело и буквально укоренялись там. Если человек выживал после подобного, то впоследствии эти импланты меняли его личность, делали более податливым или внушаемым.

Амбротов знал это, поскольку помогал создавать подобное и другое оружие. При этом он был уверен, что никто кроме очень небольшого числа людей не смог бы освоиться ни с одним из органических автоматов. Что само по себе значило лишь одно: люди с оружием были капторами.

Он лишь единожды видел капторов в действии. Это было несколько лет назад, когда один из сумасшедших, вдохновлённых идеями разрушения существующего порядка, решил положить конец деятельности костоправов. Он ворвался в здание института и попробовал пробиться наверх в исследовательский центр. Бедняге не удалось разгуляться: капторы прибыли спустя несколько минут. Когда они вошли в здание, незнакомец был на шестом этаже. Он убил охранника и ранил двух лаборантов (один из них в последствии умер), и продолжал стремиться к помещениям на самом верху. Капторы перехватили его на полпути к седьмому этажу.

Пули из органического оружия действуют наверняка. Попадая в плоть, они начинают *прорастать*. Все занимает доли мгновения. И вот уже все жизненные органы проткнуты ветками-отростками, по прочности не уступающими рогу или твёрдой древесине.

С тем парнем вышло ещё хуже. В его тело попали десятки пуль. За какую-то долю секунды несчастный стал похож на дикобраза или на пугало, из которого во все стороны торчали ветви растений. Все они прошили его плоть одновременно, разрывая, обезображивая её, поднимая тело к потолку.

Он погиб мгновенно. А уборщикам с шестого и седьмого этажей пришлось не только соскабливать кровавые пятна, но и выдирать из стен, пола и даже потолка застрявшие в них жёсткие ветви.

Глядя на это, парень из технического отдела похлопал Амбротова по спине.

- Ничего себе, - сказал он. - Это ведь вы, парни, придумали такую штуку с пулями? Ну, чтобы они разрывали бедолаг на куски? Ну, теперь не жалуйтесь, что все вокруг залито кровью. Амбротов не нашёлся, что ответить.

За первой тенью последовала вторая. На этот раз Амбротов разглядел её не так хорошо, но был уверен, что увидит все то же самое: силовую жилет и оружие.

Он отступил от окна, при этом случайно задев ряд коробок. Коробки обрушились как будто их потянули за незримые верёвочки. Несколько разорвались и наружу высыпалось содержимое.

Это были сухие косточки - россыпь лёгких как крылья мотылька полупрозрачных хрящей. Наверняка когда-то давно все это могло послужить материалом для исследований, но о коробках забыли, и их содержимое пришло в негодность.

Сколько было этим коробкам? Десять? Пятнадцать лет? Несмотря на ужас, Амбровов понял, что коробки уже были здесь, когда они въехали в это здание.

Грохот от падения коробок наверняка был слышен снаружи. Учёный попятился от окна. Наступил на косточки, которые хрустнули у него под подошвами. Он словно шёл по полю, заваленному меловыми останками доисторических животных. Хорошо ещё, вставая с раскладушки, он сунул ноги в ботинки (однажды он уже пробежался до местного туалета без обуви, о чем сильно пожалел). Теперь оставалось захватить штаны и рубашку, которые все так же висели на стуле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.